

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ УРО РАН

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.1>

УДК 330.101

JEL B20, B24, B25, B52

В. Л. Берсенёв, В. С. Бочко, М. В. Власов, В. В. Сухих

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail colbers@bk.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ УРО РАН¹

Вклад специалистов в области экономической теории в становление и развитие Института экономики УрО РАН оценивается в рамках многовековой тенденции к изучению человека как субъекта и объекта хозяйственной деятельности. Показано, что со времен античности через расцвет политической экономии в эпоху Нового времени и вплоть до современности исследуются поведение людей в системе экономических отношений, социальная политика как форма заботы общества и государства о непосредственном производителе, труд как форма реализации человеком своего потенциала и т. д. Соответственно, в Институте экономики УрО РАН, начиная с 1970-х годов, проводились исследования в том же направлении, в частности — анализировались вопросы развития социальной инфраструктуры, методы оценки живого и овеществленного труда, эволюция отношений собственности в условиях экономической реформы, институциональное сопровождение преобразований и место человека в российской экономике XXI века. Кроме того, отмечается, что в инициативном порядке в Институте экономики УрО РАН проводились самые разнообразные исследования в области экономической теории — от политической экономии социализма до клиометрики.

Ключевые слова: экономическая теория, политическая экономия, человеческое поведение, социальная политика, социальная инфраструктура, труд, собственность, неинституционализм

Для цитирования: Берсенёв В. Л., Бочко В. С., Власов М. В., Сухих В. В. Экономическая теория в Институте экономики УрО РАН // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 1. С. 1-28. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.1>

¹ © Берсенёв В. Л., Бочко В. С., Власов М. В., Сухих В. В. Текст. 2021.

Vladimir L. Bersenev, Vladimir St. Bochko, Maksim Vl. Vlasov, Vasily V. Sukhikh

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: colbers@bk.ru)

The Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: Past and Present Research

The article describes the contribution made by the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Ekaterinburg, Russia) to the development of economic theory. It is shown how the Institute's history of research fits into the long-standing tradition of economic thought, which studied the role of people both as agents of economic activity and as its objects. The article traces back the development of economic thought from Antiquity, through the modern period and the heyday of political economy in the nineteenth century, to the contemporary stage. Throughout its history, economic research dealt with such problems as human behaviour within the system of economic relationships, social policies as a form of public support of the manufacturing sector, labour as a way of realizing people's full potential, and so on.

The history of the Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS started in the 1970s. The research was conducted in a number of areas, in particular the development of social infrastructure, methods of evaluation of living and materialized labour, the evolution of ownership during economic reforms, institutional support of economic transformations and the role of human agents in economy in twenty-first century Russia. Moreover, as the study makes clear, on researchers' own initiative, a number of other projects were realized, covering a wide range of topics, from political economy of socialism to cliometrics.

Keywords: economic theory, political economy, human behaviour, social policy, social infrastructure, labour, property, neoinstitutionalism

For citation: Bersenev, V. L., Bochko, V. S., Vlasov, M. Vl., & Sukhikh, V. B. (2020). The Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: Past and Present Research. Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 18(1), 1-28, <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.1>

Введение

В июне 2021 г. Институту экономики Уральского отделения Российской академии наук исполняется 50 лет. Вместе с тем необходимо помнить, что первым предшественником ИЭ УрО РАН стала группа технико-экономических исследований, образованная в составе Уральского филиала АН СССР (УФАН) на рубеже августа-сентября 1941 г., так что академическая экономическая наука на Урале отмечает и еще один юбилей — 80 лет с момента своего рождения.

Группа во главе с эвакуированным из Москвы доктором географических наук, профессором Н.Н. Колосовским выполняла задания Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, и эта своего рода специализация на проблемах больше прикладного, нежели теоретического, характера долго оставалась отличительной чертой экономического подразделения УФАН — УНЦ АН СССР — УрО РАН. В частности, возникший на базе группы сектор экономических исследований УФАН в конце 1940-х годов сосредоточил свои усилия на анализе возможностей промышленного освоения природных богатств Северного Урала. Существовавший в 1951–1971 гг. Отдел экономических исследований УФАН к территориальной составляющей научного поиска добавил анализ проблем промышленности и сельского хозяйства, а образованный на его базе Институт экономики УНЦ АН СССР (ныне — УрО РАН) также был и остается признанным

лидером в области и регионалистики, и отраслеведения. Между тем теоретические аспекты проводившихся на протяжении десятилетий исследований проявлялись в той или иной форме, и экономическая теория, в конце концов, должна была обрести официальный статус в структуре вновь созданного института.

Тем, кто работает в сфере науки, известно шуточное высказывание «Нет ничего практичнее хорошей теории», авторство которого приписывают многим великим ученым — от Л. Больцмана до А. Эйнштейна. Между тем в этой фразе заложен вполне определенный смысл, поскольку всякая хорошая теория, с одной стороны, является следствием методологически обоснованного и методически безупречного анализа и/или эксперимента, а с другой — она должна в той или иной мере предсказывать результаты будущих НИОКР. Соответственно, и экономическая теория призвана и выявлять закономерности, и прогнозировать тренды в практике хозяйственной деятельности.

Разумеется, ни один исследовательский центр, какими бы ресурсами он ни обладал, не в состоянии охватить весь спектр направлений научного поиска в какой-либо области знаний. Поэтому и образованное в Институте экономики УНЦ АН СССР в ноябре 1977 г. на базе небольшой группы подразделения теоретического профиля получило официальный статус как сектор политической экономии и эффективности общественного труда. Структурно он входил в состав отдела экономики и соци-

ологии труда и культуры, переименованного вскоре в отдел эффективности общественного труда и социологических исследований, а в 1982 г. — в отдел политической экономии социализма и социологических исследований.

Так получилось, что в рамках отдела был собран интеллектуальный потенциал не только экономистов-теоретиков, но и социологов и демографов, то есть данное подразделение института сочетало в своей структуре анализ собственно экономических закономерностей с раскрытием вопросов гуманитарного характера, имеющих непосредственное отношение к хозяйственной деятельности человека. Тем самым воспроизводилась, как бы это громко ни звучало, многовековая тенденция к «очеловечиванию» экономического анализа — тенденция, никогда не бывавшая мейнстримом экономической науки, а иногда даже и уходящая в латентные формы существования, но при этом породившая целый ряд научных проблем, и поныне занимающих лучшие умы человечества.

Человек и экономика в контексте эволюции экономической мысли

Современный рационализм как форма и ведущий метод познания полагает целью всякой исследовательской деятельности не только овладение силами природы в целом, но и усовершенствование природы человека в частности. Следует признать, что подобного рода двойственность объекта и предмета анализа свойственна практически всем общественным наукам, поскольку препарирование всякого социального явления или процесса неизбежно предполагает и определение места и роли человека, во-первых, как субъекта, определяющего рамки процесса познания окружающей его объективной реальности, и во-вторых, как объекта воздействия различных экзогенных и эндогенных факторов на его бытие и сознание.

Экономической науке это свойственно в полной мере, причем с момента возникновения. Живший на рубеже V–IV веков до н. э. Ксенофонт в трактате «Ойкономика», претендующем на статус первого в истории экономических учений опыта теоретического осмысления хозяйственной деятельности, отмечал, что люди не только стремятся максимально удовлетворить свои материальные потребности, но одновременно решают и другие вопросы, в том числе связанные с выработкой норм поведения: «Разумные муж и жена должны поступать так, чтобы и наличное свое

имущество сохранять возможно в лучшем состоянии, и прибавлять как можно больше нового имущества хорошими, честными средствами» (Ксенофонт, 1935. С. 275).

В свою очередь, было бы преувеличением называть «Никомахову этику» Аристотеля (IV век до н. э.) первым произведением в жанре политической экономии, однако представленная там версия уравнения обмена результатами труда («Пропорциональное воздаяние получается при перекрестном попарном объединении. Так, например, строитель дома будет α , башмачник — β , дом — γ , башмаки — δ . В этом случае строителю нужно приобретать часть работы этого башмачника, а свою собственность продавать ему» (Аристотель, 1983. С. 155) предвосхищает главное достижение экономической мысли эпохи Просвещения — трудовую теорию стоимости, и не только.

Для Аристотеля этот пример является иллюстрацией к тому, как должно обеспечиваться «правосудие при обмене» и даже, более того, «справедливое равенство», то есть экономический сюжет в данном случае тесно связан с проблемой этики человеческих взаимоотношений. Для сравнения Платон, старший современник Аристотеля, рассматривал взаимодействие людей с целью удовлетворения потребностей несколько иначе — как стремление обеспечить политическое обрамление идеи справедливого обмена:

«Государство ... возникает, как я понимаю, когда каждый из нас не может удовлетворять себя сам, но нуждается во многом... Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение получит у нас название государства» (Платон, 1971. С. 144–145).

Так что можно утверждать, что вопросы влияния или невлияния морали и нравственности на хозяйственную деятельность, с одной стороны, и определение статуса человека как субъекта и объекта отношений, в процессе этой деятельности возникающих, с другой стороны, оказываются в центре внимания экономистов-аналитиков, начиная со времен античности.

Однако, если трактаты древнегреческих философов послужили первоосновой для дальнейших поисков ответа на вопрос, как экономика сочетается с этикой или, иными словами, как результаты хозяйственной деятельности должны восприниматься с позиций мо-

рали (общество) и нравственности (человек), то активизировалось это направление в истории экономических учений лишь спустя полтора тысячелетия.

Объяснялось это спецификой последующего развития европейской цивилизации. После становления и расцвета Римской империи на смену политической (политической) философии приходят сочинения, ориентированные на рассмотрение вопросов более прагматичных, по-скольку, как отмечал Й. Шумпетер, римская аристократия, в отличие от афинской, была сосредоточена в основном на гражданской и военной службе (Шумпетер, 2001. С. 83, 84).

Последовавшие за падением Римской империи «тёмные века» и сменившая их эпоха классического Средневековья тем более не способствовали росту интереса к морально-нравственным аспектам хозяйственной деятельности. Й. Шумпетер связывает возрождение традиции экономического анализа со схоластами, и для него вершиной интеллектуальной мысли феодальной Европы является «Сумма теологии» Фомы Аквинского (Шумпетер, 2001. С. 92). Однако следует иметь в виду, что это произведение представляет собой философский трактат с теологическим уклоном, призванный доказать, что конечная цель жизни человека заключается в достижении блаженства посредством созерцания бога в загробном мире. Вместе с тем в процессе рассуждений о «справедливой цене» Фома Аквинский касается и вопросов хозяйственной этики, в частности — указывает на греховную природу мошенничества и ростовщичества (St. Thomas Aquinas, 2003. P. 18–29). В сущности, этот пример иллюстрирует общее стремление схоластов любой аспект человеческого поведения рассматривать с позиций соответствия либо несоответствия канонам Священного Писания, а результаты пусть и примитивного, но — экономического анализа в данном случае самостоятельного значения не имеют.

Вопросы этики хозяйственной деятельности и, соответственно, сущности человека как субъекта и объекта этой деятельности актуализируются в эпоху Нового времени, когда на рубеже XVI–XVII веков возникает школа меркантилистов — первое неформальное объединение профессиональных аналитиков в области зарождающейся экономической науки. Особое место среди представителей этой школы занимает А. де Монкретьен, подаривший миру термин «политическая экономия» (см. подробнее: Берсенёв, Горст, 2005; Бочко, Татаркин,

Берсенёв, 2015). Как и прочие меркантилисты, Монкретьен в «Трактате по политической экономии» (1615) предлагает королю набор рекомендаций по регулированию национальной экономики для достижения торгового баланса и, тем самым, роста доходов казны. Однако основу богатства нации он видит не в драгоценных металлах, а в людях: «Из этих великих богатств самое большое — неисчерпаемое изобилие людей... Счастье людей... состоит главным образом в богатстве, а богатство в труде» (Цит. по: Слудковская, 2016. С. 111). Более того, вслед за древнегреческими мыслителями А. де Монкретьен (а он был знатоком античной литературы) утверждает: «Человек должен действовать не только для себя, но и для своих сограждан. Этому нас обучает природа, в которой все вещи зависят одна от другой» (Цит. по: Слудковская, 2016. С. 111).

На нашей отечественной почве подобного рода утверждения прозвучали даже несколько раньше. В своде правил поведения под названием «Домострой» (фактически перевод древнегреческого слова «ойкономика»), окончательную редакцию которого представил в 1547 г. протопоп Сильвестр, отчетливо прослеживалась связь хозяйственной деятельности с нравственно-этическими аспектами поведения людей. К примеру, в главе «Послание и наказание ото отца к сыну» Сильвестр советует своему сыну Анфиму: «Живи, чадо, по христианскому закону во всяких обычаях без лукавства и безо всякия хитрости ко всем» (Домострой, 2014. С. 143).

Опровергая бытовавшее длительное время мнение, что «Домострой» представляет собой произведение, оправдывающее мракобесие и насилие, В.В. Колесов отмечал: «Этика Домостроя построена не на запретах Нагорной проповеди, она обращается к чувству стыда, которое при умелом воспитании может породить в человеке множество добродетелей в нравственных, социальных и идеальных (религиозных) их ипостасях» (Домострой, 2014. С. 10). Можно только добавить, что тем самым «Домострой» отражал особенности формирования и развития нравственно-поведенческих норм в период становления товарно-капиталистических отношений (Бочко, 2006).

Как видим, предшественники подготовили А. Смиту почву для обоснования концепции «экономического человека» или «*homo oeconomicus*». Впрочем, сам этот термин А. Смит не употребляет и даже не упоминает в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) А. де Монкретьена,

хотя воздаёт должное таким меркантилистам, как Т. Ман и Ж.-Б. Кольбер.

Более того, А. Смит хотя и прославился как экономист, в первую очередь он был преподавателем философии и автором «Теории нравственных чувств» (1759) — книги, сделавшей его имя известным до увлечения экономическим анализом (Смит, 1997). Отсюда и «Исследование о природе и причинах богатства народов» представляло собой не учебник политической экономии, а свод философских рассуждений на тему, почему стоимость, то есть богатство, создаваемое трудом лишь одного из классов — рабочего, перераспределяется в пользу двух других — владельцев мануфактур и землевладельцев. Начав с анализа феномена разделения труда, А. Смит отмечает, что человек склонен к обмену результатов своей деятельности на результаты деятельности других людей, поскольку каждый индивид в отдельности не обладает всем необходимым набором навыков и способностей: «...Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» (Смит, 2007. С. 76–77).

Отсюда и рождается тот самый образ человека-функции, который в своей деятельности руководствуется исключительно корыстным интересом, но при этом умножает богатство нации. Однако этот образ будет не полон без учета того, как А. Смит понимал процесс обмена с этических позиций. В «Теории нравственных чувств» он предлагает идеальную картину взаимодействия между людьми как участниками хозяйственной деятельности: «Все члены человеческого сообщества нуждаются во взаимных услугах... Когда взаимные услуги вызываются взаимною же любовью, благодарностью, дружбой, уважением, то общество процветает и благоденствует» (Смит, 1997. С. 101). Впрочем, и в иных ситуациях, по его мнению, общество «может поддерживаться при содействии корыстного обмена взаимными услугами», хотя и «не может просуществовать долго, если в нем люди всегда готовы нанести друг другу обиду или вред» (Смит, 1997. С. 101).

Как известно, идея «экономического человека» легла в основу такого общественно-политического движения, как либерализм.

Применительно к экономике представители данного направления склонны выступать за минимизацию участия государства в хозяйственной деятельности. Между тем А. Смит был не столь категоричен и даже обосновал тезис, входящий в противоречие с доктриной либерализма. В конце книги IV (всего «Исследование о природе и причинах богатства народов» состоит из пяти книг) он, «освобождая» государя от необходимости «руководить трудом частных лиц», перечисляет его обязанности:

«Согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности, правда, они весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия, и, в третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу» (Смит, 2007. С. 647–648).

Тем самым именно А. Смит доказал необходимость проведения централизованной (государственной) социальной политики, включая и содержание объектов социальной инфраструктуры. Можно утверждать, что с этого момента человек начинает восприниматься не только как субъект хозяйственной деятельности (включая и этические аспекты экономического поведения индивидуума), но и как объект заботы о его благосостоянии со стороны общества и государства.

Кстати, другой идеолог либерализма и младший современник А. Смита, английский философ И. Бентам, также предлагал свои методы решения ряда социальных проблем, хотя и весьма неоднозначные. Как основатель и первый теоретик утилитаризма — особого направления в этике, в основе которого лежал «принцип, утверждающий в качестве единственно правильной и справедливой цели правительства наибольшее счастье наибольшего числа людей» (Бентам, 1998. С. 14), он считал, что, способствуя благу общества, люди тем самым способствуют и собственному счастью. На практике же он выступил в качестве автора

проекта «Паноптикона» — особого рода «дома трудолюбия», объединявшего в себе функции тюрьмы, дома призрения, больницы и сумасшедшего дома. Предполагалось учредить 200–250 таких домов вместимостью до 2000 «нуждающихся» (Барлова, 2010).

В таком виде проект не был реализован, хотя к середине XIX в. «рабочие дома» стали одной из «визитных карточек» Великобритании. Впрочем, сторонников утилитаризма (Дж.С. Милль, Г. Сиджвик и др.) привлекали не практические предложения, а общие рассуждения о соотношении категорий «экономика» и «счастье». В частности, Милль посвятил проблеме «вмешательства правительства» в жизнь индивида и общества книгу V своего главного труда «Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии», но так и не признал за государством необходимость проводить активную социальную политику. Осуждая «директивное вмешательство правительства», он всего лишь оправдывает «вмешательство, не стесняющее личной свободы действий. Когда правительство предоставляет средства для достижения какой-либо определенной цели и в то же время никому не препятствует использовать иные средства, которые считаются более удобными, то тут нет ни ущемления свободы, ни тягостного или унижительного принуждения» (Милль, 2007. С. 952). При желании в этой мысли можно усмотреть намек на практику социального воспомоществования как со стороны государства, так и со стороны частных лиц, но не более того.

Другой сторонник утилитаризма, Г. Сиджвик, занимавший в истории британской экономической мысли, по мнению Р. Вайтесварана, промежуточное положение между Дж.С. Миллем и А. Маршаллом (Vaitheswaran, 1978. P. 100), прежде всего искал ответ на вопрос «Способна ли этика предложить такую концепцию морали, которую смог бы принять каждый мыслящий индивид?». Выделяя три этических подхода, определяющих поведение человека в его стремлении к счастью — интуитивизм, эгоистический гедонизм и универсальный гедонизм (утилитаризм), он сетовал, что преобладающий в обществе эгоистический гедонизм (стремление исключительно к личному счастью) не может стать методом для построения этической системы, устраивавшей все общество.

Отсюда при определении предмета и метода экономической науки Г. Сиджвик пытался ответить на вопрос, должно ли распределение осуществляться в соответствии с принципами экономического либерализма, чтобы обе-

спечить получение наибольшей полезности (*«the greatest utility»*), или же в соответствии с принципами справедливости и равенства? Соответственно, и предметом экономической науки должно было выступать исследование государственной политики развития национального производства и смягчения неравенства (Sidgwick, 1885). Но в практическом плане Сиджвик не выходил за рамки рассуждений об универсальном гедонизме как источнике всеобщего счастья.

А. Маршалл, воздавая должное идеям утилитаризма, уже во введении к «Принципам экономической науки» заявлял, что всякий бедняк «может найти приложение для тех своих способностей, которые служат источником высшего счастья», хотя и связывал их не с участием в производстве благ, а с религией, семейными привязанностями и дружбой (Маршалл, 1993. Т. I. С. 57). В свою очередь, бедность и невежество может постепенно уничтожить только технический прогресс: «Мы должны тогда стремиться придать полный размах развитию механики и уменьшить предложение труда, непригодного ни для чего, кроме неквалифицированных работ, чтобы средний доход страны мог расти даже быстрее, чем в прошлом...» (Маршалл, 1993. Т. III. С. 137). В рамках этого подхода А. Маршалл признает и необходимость увеличения расходов на социальные нужды: «Таким образом, государству, как представляется, необходимо более щедро и даже расточительно заботиться о тех сторонах жизни более бедных рабочих, в которых им трудно обеспечить себя самим, и в то же время следить за тем, чтобы их дома содержались в чистоте и были приемлемы для тех, кто должны будут в последующие годы выступить как сильные и ответственные граждане» (Маршалл, 1993. Т. III. С. 138).

Соответственно, экономисты, по мысли А. Маршалла, призваны изучать индивидуальные и коллективные действия человека, направленные на обеспечение благосостояния: «Политическая экономия, или экономическая наука (*Economics*), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» (Маршалл, 1993. Т. I. С. 56).

Примечательно, что А. Маршалл не видел разницы между категориями «политическая экономия» и «экономическая теория», хотя в отечественном варианте истории экономи-

ческих учений англизированный вариант второго термина — «экономикс» — стал использоваться для определения всего неоклассического направления экономической мысли. При этом человек у неоклассиков предстает в основном в виде фактора производства «труд» либо потребителя определенного набора благ, а социальная политика никак не участвует в анализе вариантов рационального распределения ограниченных экономических ресурсов. Знаковым в этом смысле выступает определение экономической науки, данное в 1930-е годы Л. Роббинсом. По его мнению, экономическая теория призвана изучать не закономерности процесса воспроизводства, а «человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение» (Robbins, 1935. P. 15).

Между прочим, еще до А. Смита социальный подход к экономическому анализу, предполагавший признание общественного интереса и нравственности в качестве основы хозяйствования, отстаивал И. Т. Посошков. Конечно, следует учитывать, что его «Книга о скудости и богатстве», написанная в 1724 г., впервые была опубликована только в 1842 г., однако содержащиеся в ней мысли и в XIX в. не утратили своей актуальности. В частности, И. Т. Посошков указывал: «Паче вещественного богатства надлежит всем нам общепещися о невестественном богатстве, то есть о истинной правде... То великое и многотрудное есть дело, чтобы народ весь обогатить, понеже без насаждения правды и без истребления обидчиков и воров и разбойников и всяких разных, явных и потаенных, грабителей никоими мерами народу совершенно обогатится невозможно». При этом предлагалось и следующее: «А ради нищих, больных яко в городех, тако в селех и на погосте построить больницы и богадельни» (Посошков, 2003. С. 21, 22, 39).

В том же ключе рассуждал и А. К. Шторх, ставший в 1804 г. первым действительным членом Российской академии наук среди экономистов. В многотомном «Курсе политической экономии» (1815) он предложил теорию нематериальной собственности (нравственного богатства): «Между ценностями, могущими войти в наше обладание, одни — материальные — состоят из предметов, вне нас находящихся; другие — нематериальные, т. е. не подпадающие нашим чувствам; они образуют нашу нравственную собственность и составляют часть нашего существа. Эти два разряда ценностей можно отметить именами — внешних благ и благ внутренних...» (Шторх, 2008. С. 43).

Эта идея получила широкое распространение в русской экономической литературе XIX в., в том числе в работах таких известных экономистов, как А. И. Бутовский, И. К. Бабст, И. И. Янжул и др., послужив предтечей современной теории человеческого капитала.

Свое альтернативное представление о роли государства в экономике и месте человека в процессе социально-экономического развития предложили германские экономисты XIX — начала XX вв. — представители так называемой исторической школы политической экономии. Впрочем, основы традиций государствоориентированного подхода к изучению экономических проблем заложил Ф. Лист, предвосхитивший многие идеи последующих поколений немецких экономистов. В 1841 г. он опубликовал работу «Национальная система политической экономии», в которой подверг представителей классической школы политэкономии критике за то, что в поисках общих экономических закономерностей они игнорировали интересы отдельных наций, каждая из которых проходит свой путь развития. В качестве образца истинной науки Ф. Лист предлагал систему «национальной экономии» — совокупность рекомендаций по проведению экономической политики с целью ускорения развития производительных сил нации (Лист, 2005).

Естественно, что тезис об особой роли государства в экономике был адекватно воспринят представителями «старой» (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс) и «новой (молодой)» (Г. фон Шмоллер, Л. Brentано, А. Вагнер) исторической школы политэкономии в Германии. При этом, если «старая» школа сформировалась в период постепенного объединения германских земель (единая Германия возникла в 1871 г.) и была ориентирована на идеологическое обеспечение данного процесса, то «новая (молодая)» школа внесла свой существенный вклад в обоснование имперской экономической и социальной политики, проводившейся правительством О. фон Бисмарка, начиная с 1870-х годов.

Данная политика даже получила определение «государственный социализм» (Янжул, 1890), хотя условность этого названия очевидна. Просто Бисмарк посредством различных социально значимых мероприятий стремился уменьшить масштабы социал-демократического и рабочего движения в Германской империи. Тем не менее, многие немецкие экономисты, образовавшие «Союз социальной политики», стремились подвести под действия правительства теоретическую базу.

В частности, один из основателей и руководитель «Союза социальной политики» Г. фон Шмоллер весьма негативно относился к базовым ценностям экономического либерализма: «То, что в этических системах называют высшими принципами, их последние идеалы суть представления о том, к чему всегда должны направляться добрая воля и чувство долга... Таковы идеи личной свободы и общественного порядка, идеи справедливости и прогрессивного совершенствования личности и общества, идея равенства, идея самоотверженного жертвования собою за всех. Это — абстрактные цели, ни одну из которых нельзя без злоупотребления и преувеличения исключительно руководствоваться в практической жизни. Всякая свобода в то же время предполагает порядок, всякое равенство — различие в интересах целого и в видах прогресса» (Шмоллер, 1897. С. 27–28).

Отсюда возрастала значимость государственного регулирования экономических и социальных процессов. К примеру, другой представитель «новой (молодой)» исторической школы политической экономии, А. Вагнер, обосновал закон постоянного возрастания государственных расходов («*Das Gesetz der wachsenden Ausdehnung der öffentlichen, besonders der Staatstätigkeiten*») (Wagner, 1892. С. 892–908), и в качестве первой из трех детерминант этого процесса называл последовательное расширение социальных функций государства (пенсионное страхование, помощь населению при стихийных бедствиях и катастрофах и т. д.).

Иными словами, немецкие экономисты второй половины XIX — начала XX вв. в рамках концепции «государственного социализма» доказывали тезис о том, что активная социальная политика вполне сочетаема с капиталистической (рыночной) экономикой (кстати, сами немецкие экономисты предпочитали использовать категорию «*die Volkswirtschaft*», то есть «народное хозяйство»).

Эта идея вновь актуализировалась после Второй мировой войны, когда вырабатывались основы экономической политики Западной Германии. Еще в 1930-е годы крупнейший авторитет и признанный теоретический лидер германских экономистов В. Ойкен разработал концепцию «идеальных типов хозяйства». Централизованно управляемое хозяйство, с одной стороны, и меновое (рыночное) хозяйство, с другой, представляли собой логические императивы, с помощью которых проводилась типологизация реальных экономических

систем, существовавших в различные эпохи (Ойкен, 1996. С. 106–160).

В работе «Основные принципы экономической политики», опубликованной в 1950 г. и ставшей научным завещанием В. Ойкена, была предложена методика сознательного выбора между централизмом и децентрализмом и обосновывались, исходя из сочетания этих противоположных начал, параметры экономической политики правительства ФРГ в процессе восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Основным принципом «экономического конституирования» он провозгласил создание механизма цен свободной конкуренции (Ойкен, 1995. С. 336). Иными словами, основу возрождаемой экономики ФРГ должен был составлять тип «менового хозяйства». За государством закреплялись функции борьбы с проявлениями монополизма и проведения активной социальной политики (черты централизованно управляемого хозяйства).

Предложенные В. Ойкеном методология анализа и практические рекомендации нашли применение в тех преобразованиях, которые с конца 1940-х годов осуществлял Л. Эрхард, министр экономики в правительстве К. Аденауэра. Синтез свободной конкуренции и оптимального государственного регулирования породил «немецкое экономическое чудо», результатом которого стали преодоление послевоенной разрухи и построение «социального рыночного хозяйства» в ФРГ. Эрхард писал в 1956 г.: «В середине двадцатого века экономическое процветание теснейшим образом связано с судьбой государства, как и наоборот — признание каждого правительства и каждого государства непосредственно связано с успехом или неудачей их экономической политики...

Социальное рыночное хозяйство ... может требовать того, чтобы политики считались с ним, как с важным фактором, который определяет и выражает строительство нашего демократического государства. Эта экономическая политика сумела в кратчайший срок провести беспрецедентную в истории восстановительную работу. С помощью этой политики нам не только удалось дать работу и пропитание населению, которое увеличилось на одну четверть, но и поднять благосостояние этих людей на такой уровень, который превосходит уровень лучших предвоенных лет» (Эрхард, 1991. С. 21–22).

Политическая экономия социализма и регионалистика

В СССР теория и практика «социального рыночного хозяйства» длительное время замалчивались, поскольку они противоречили тезису о безальтернативности экономической политики КПСС, направленной на рост благосостояния советских людей. Тем не менее, эта политика предполагала не только дальнейшее совершенствование средств производства, но и развитие физических и умственных способностей человека как непосредственного производителя, улучшение его жилищных условий и т. д. Свое, вполне определенное, место среди инструментов, обеспечивающих реализацию установки на рост благосостояния граждан, занимали и объекты торговли и сферы услуг, здравоохранения, культуры и образования, объединяемые определением «социальная инфраструктура».

Несомненно, при создании сектора политической экономии в структуре ИЭ УНЦ АН СССР приходилось учитывать, что он будет не в состоянии соперничать с ведущими центрами экономической теории в Москве и Ленинграде, проводившими исследования по широкому спектру направлений и проблем. Поэтому наряду с вопросами эффективности общественного труда ведущим объектом анализа в секторе стала как раз социальная инфраструктура. Получалось, что тем самым уральские экономисты-теоретики продолжили традицию, заложенную еще представителями классической (А. Смит) и исторической школ политической экономии.

Возглавил данное направление исследований к. э. н. С.Г. Важенин, уже имевший опыт анализа вопросов развития социальной инфраструктуры. В 1976 г. он выступил соавтором коллективной монографии на тему «Город и деревня. Новый этап сближения», в которой было показано, что различия между двумя этими видами населенных пунктов проявляются не только в производственной, но и культурно-бытовой сфере. Отсюда предлагался обширный набор мер по улучшению жилищных условий и коммунального обслуживания сельского населения Свердловской области, развитию транспорта и средств связи, а также службы быта, расширению торговли и общественного питания, повышению качества медицинской помощи в сельской местности (Важенин Г., Важенин С., Неустроев, 1976).

В теоретическом плане необходимость развития социальной инфраструктуры предопределялась не только возрастающими требова-

ниями, предъявляемыми современным производством к уровню развития «первой производительной силы общества» — человека, но и возвышением потребностей самого человека в материальных благах и особенно в услугах. В сборнике статей «Социальная инфраструктура в народнохозяйственном комплексе региона» (1980), содержащем первые итоги работы подразделения, С.Г. Важенин выделил целый ряд детерминант этого процесса, включая расширение занятости женщин, опережающий рост городского населения, увеличение свободного времени граждан, расширение возможностей содержательного проведения досуга и т. д. Всё это требовало дальнейшего развития системы детских дошкольных учреждений, предприятий бытового обслуживания, торговли, общественного питания и других элементов социальной инфраструктуры (Важенин С., 1980).

В свою очередь, Г.Б. Морозов акцентировал внимание на вопросе экономической оценки затрат на развитие социальной инфраструктуры в условиях социалистической экономики. Дело в том, что в конце 1970-х годов было распространено мнение, согласно которому социальная инфраструктура лишь косвенно воздействовала на повышение производительности общественного труда, и это не позволяло оценить эффективность затрат на ее развитие. Обусловлена такая позиция была в том числе и тем, что социальную инфраструктуру воспринимали исключительно как сферу производства услуг. Г.Б. Морозов предложил рассматривать в качестве отличительного признака всякой инфраструктуры специфический продукт — условия (предпосылки) либо эффективного осуществления непосредственного производства материального продукта (производственная инфраструктура), либо потребления членами общества произведенных ими материальных и духовных жизненных средств, удовлетворяющих личные потребности людей (социальная инфраструктура) (Морозов, 1980. С. 55–58).

Отсюда экономический эффект развития производственной инфраструктуры проявлялся в сокращении затрат времени на обслуживающие работы и в увеличении затрат времени на непосредственный выпуск основной продукции. В свою очередь, если благодаря развитию социальной инфраструктуры в какой-либо отрасли происходило повышение производительности труда, этот показатель свидетельствовал об эффективности этого подразделения инфраструктуры. Иными словами,

связь «развитие социальной инфраструктуры — эффективность функционирования рабочей силы» должна была, по мысли Г.Б. Морозова, стать звеном, благодаря которому можно определять экономическую значимость развития социальной инфраструктуры в народнохозяйственном комплексе страны (Морозов, 1980. С. 59, 61, 62).

В ходе дальнейших исследований происходило как уточнение категориального аппарата, так и «политэкономическое наполнение» элементов, обеспечивающих системное представление о социальной инфраструктуре. В частности, д. э. н. А.И. Деменёв предложил рассматривать социальную инфраструктуру как совокупность сооружений, зданий, сетей и систем, необходимых для обеспечения повседневной жизнедеятельности населения (Деменёв, 1983. С. 3). Соглашаясь с тем, что конечная цель функционирования социальной инфраструктуры состоит в обеспечении максимально благоприятных условий для жизни и деятельности человека, к. э. н. А.М. Ликин предложил выделить в качестве одного из ее слагаемых городскую среду, включающую в себя три подсистемы: природную (атмосфера, климат и т. д.), социальную (население) и подсистему физических элементов (естественная ландшафтная и искусственная техногенная среды) (Ликин, 1983. С. 112, 113).

Наряду с несколько экзотическими трактовками социальная инфраструктура рассматривалась и с сугубо политико-экономической точки зрения. К. э. н. И.С. Важенина и к. э. н. С.Г. Важенин, выделив в развитии социальной инфраструктуры действие вещественного (средства производства) и личного (рабочая сила) факторов, выявили «болевы точки» данных процессов. В действии вещественного фактора наблюдались дефицит технологического оборудования и, соответственно, низкий темп обновления основных фондов, неоправданно низкий удельный вес затрат на расширение и реконструкцию действующих объектов и т. д., а в действии личного фактора — нехватка квалифицированных кадров, высокая трудоемкость производства бытовых услуг и т. д. (Важенина, Важенин, 1983). В свою очередь, С.А. Любимов и З.А. Денисова в качестве препятствия для развития социальной инфраструктуры отмечали несовпадение прав и обязанностей министерств и ведомств, с одной стороны, и местных Советов народных депутатов, с другой, в процессе формирования производственной и непроизводственной сфер городского хозяйства (Любимов, Денисова, 1983).

Своеобразный итог исследований в данном направлении был подведен в монографии С.Г. Важенина «Социальная инфраструктура народно-хозяйственного комплекса» (1984). Если с позиций политико-экономического анализа социальная инфраструктура выступала в качестве подсистемы в рамках единого народнохозяйственного комплекса, то ее функциональное назначение определялось как удовлетворение всего комплекса потребностей населения в услугах (Важенин, 1984. С. 4). Вместе с тем производственные отношения, возникающие при функционировании социальной инфраструктуры, отличались определенной спецификой. Во-первых, они оставались производными от отношений, возникающих непосредственно в процессе производства материальных благ. Во-вторых, однако, эти отношения не являлись непосредственно имущественными. Наконец, в-третьих, производственно-экономические связи социальной инфраструктуры обладали своей внутренней субординационной структурой и известной самостоятельностью в движении (Важенин, 1984. С. 61).

Помимо этого, через всю монографию проходит мысль о том, что политико-экономические и региональные исследования не должны противопоставляться друг другу. С.Г. Важенин предложил иерархический подход к анализу, выделив социальную инфраструктуру как единого народнохозяйственного комплекса СССР, так и региональных комплексов, от уровня союзной республики и вплоть до уровня городов и районов (Важенин, 1984. С. 13). В данном случае была подчеркнута существовавшая в Институте экономики УНЦ АН СССР традиция, предполагавшая, что не только региональные, но и отраслевые и иные исследования более прикладного характера должны опираться на соответствующее теоретико-методологическое обоснование, а институтские «теоретики» должны учитывать и практические возможности внедрения своих разработок.

Примером тому может служить коллективная монография «Региональная экономика и закономерности ее развития» (1985). Несмотря на «регионоведческую» специализацию данного исследования, авторы — член-корр. АН СССР М.А. Сергеев, д. э. н. И.А. Пыхова и д. э. н. А.И. Деменёв — подчеркивали, что закономерности развития региональной экономики являются выражением системы социалистических производственных отношений, анализ которых открывает «возможности определения конкретных мероприятий по интенсифи-

кации хозяйства региона и повышению его эффективности» (Сергеев, Пыхова, Деменёв, 1985. С. 3). Примечательно, что в качестве важнейших резервов рационализации внутривозрастных и межрайонных связей Урала определялись более интенсивное вовлечение в общественное производство собственного природного сырья и повышение комплексности его переработки (Сергеев, Пыхова, Деменёв, 1985. С. 158). Иными словами, ученые ИЭ УНЦ АН СССР уже в середине 1980-х годов задавали контуры промышленной политики, ставшей актуальной в условиях распада устоявшихся хозяйственных связей менее чем через десять лет.

Проблема повышения эффективности общественного труда находится в центре внимания целого ряда направлений экономического анализа, включая экономику труда (в сочетании с социологией труда, психологией трудовых отношений и др.), экономику отраслей и, конечно же, экономическую теорию. Коллективная монография «Социально-экономические проблемы повышения эффективности общественного труда» (1983) как раз содержала в себе результаты проводившихся исследований по проблеме интенсификации производства. Институт экономики УНЦ АН СССР в первой половине 1980-х годов осуществлял научно-методическое и организационное руководство разработкой целевой комплексной народнохозяйственной программы «Интенсификация промышленного производства Урала». Соответственно, ученые-теоретики предложили для оценки эффективности деятельности совокупного рабочего использовать показатель трудоемкости, определяемый на основе затрат как живого, так и овеществленного труда, а в качестве измерителя региональной эффективности — показатель чистой продукции (как вновь созданной стоимости без налога с оборота), в котором отражался результат всех совокупных производственных затрат (Сергеев, Пыхова, Чичканов, 1983. С. 4).

Наконец, сотрудники ИЭ УНЦ АН СССР осуществляли и поисковые исследования, в том числе и в сфере политической экономики. В частности, директор Института в 1971–1986 гг. М.А. Сергеев (с 1975 г. — член-корр. АН СССР) поставил перед собой задачу углубить представления о внутренней природе и внешних проявлениях экономических законов социализма. Актуальность данной проблемы предопределялась дискуссией вокруг вопроса, прослеживаются ли в социалистической экономике объективные закономерности. Дело

в том, что зарубежные оппоненты утверждали, что если экономические законы при социализме действуют как планомерно используемые, то они, по существу, законами и не являются. М.А. Сергеев возражал, что в познании законов нельзя ограничиваться лишь признанием их объективного характера. Необходимо также знать, как они воздействуют на общество, как люди воспринимают эти воздействия, какими должны быть действия самих людей (Сергеев, 1981. С. 8, 9).

Соответственно, категории «стихийность» как такой форме проявления объективного, когда результаты его действия неподвластны человеку, М.А. Сергеев противопоставляет категорию «контролируемость», то есть такую форму проявления объективного, когда результаты его действия подвластны человеку, когда человек может их предопределять и сознательно регулировать (Сергеев, 1981. С. 11, 12). И хотя Михаил Александрович не акцентировал внимание на том, что контролируемость в определенной мере присуща и закономерностям функционирования капиталистической экономики, а стихийность — закономерностям функционирования социалистической экономики, последующий ход истории предоставил немало аналитических материалов для подтверждения этого тезиса.

Категория «контролируемость» получила развитие в монографии М.А. Сергеева «Социалистические производственные отношения и пути их совершенствования» (1987). Отмечая, что экономические законы социализма объективны, хотя и действуют в контролируемой форме, он уточняет, что тем самым «люди получили возможность, изменяя условия действия законов, добиваться различных результатов (проявлений их действия) и тем самым регулировать степень влияния этих результатов действия закона на поведение самих людей» (Сергеев, 1987. С. 46). На этой теоретической основе в монографии обосновывается необходимость совершенствования социалистических производственных отношений, в том числе и по таким направлениям, как ускорение научно-технического прогресса, повышение эффективности региональных производственных комплексов и т. д.

В 1986–1991 гг. Институт экономики УНЦ (с 1987 г. — УрО) АН СССР возглавлял член-корр. АН СССР В.П. Чичканов. В этот период в Институте актуализировались исследования, посвященные территориальным аспектам хозяйственной деятельности, и особенно — по проблеме организации регионального хо-

зяйственного расчета. Однако и вопросы продолжения и углубления исследований теоретико-экономического характера продолжали оставаться в центре внимания.

Следует учитывать, что вторая половина 1980-х годов — время поисков новой парадигмы развития советской экономической науки вообще. Зародившись в рамках публицистических статей в «толстых» литературных журналах, идея отказа от плановых методов регулирования и перехода «к рынку» постепенно завоевывала симпатии не только широкого круга читателей, но и представителей научного сообщества. В условиях такого рода сумятицы важно было выдерживать академический стиль анализа экономических процессов и явлений.

В 1986 г. в Институт пришел крупный специалист в области политической экономии социализма д. э. н. А.Н. Силин. Под его началом «теоретики» были объединены в отдел экономических и социальных проблем труда и производства. Сам А.Н. Силин сосредоточил свое внимание на проблеме соотношения живого и овеществленного труда в системе производственных отношений. При этом он предпочитал использовать традиционную марксистскую методологию анализа, отстаивая приоритетность категорий «постоянный капитал» и «оборотный капитал», предложенных К. Марксом в противовес делению капитала на основной и оборотный у А. Смита. Впрочем, одновременно признавалось, что при смене капитализма социализмом изменяется только социальная форма, а не элементный состав воспроизводственных ресурсов общества. Отсюда и объектом исследования должны быть производственные фонды во всех метаморфозах их обращения, то есть вместо постоянного и переменного капитала — фонды средств производства и фонд заработной платы, а вместо основного и оборотного капитала — основные и оборотные фонды (Силин, 1990. С. 9–10; Силин, Борисов, 1990. С. 31, 32).

Терминологический дискурс сопровождался как предложением выделить в составе оборотных фондов особую категорию «неосновные средства труда», так и критикой попыток усложнить структуру этих фондов за счет таких элементов, как «незавершенное производство», «полуфабрикаты собственного производства» и «расходы будущих периодов» (Силин А. Н. Живой и овеществленный труд..., 1990. С. 12, 57). Смысл же данного анализа в целом заключался в выводе, согласно которому «хозяйственный расчет

на предприятиях и система управления производством будут более совершенными, если в практике социалистического хозяйствования будет поставлен учет величины общественно необходимых затрат труда и на их основе будут определяться итоги хозяйственной деятельности каждого трудового коллектива» (Силин А. Н. Живой и овеществленный труд..., 1990. С. 103).

Повышенное внимание к уточнению категориального аппарата было неслучайным. Даже в условиях нарастающей эрозии основ политической экономии социализма А.Н. Силин продолжал настаивать, что в результате привнесения в теорию социалистического производства свойственных буржуазной политической экономии понятий возникло немало методологических ошибок, «закрывающих» важнейшие направления экономических исследований, в том числе и освещение закономерностей движения живого и овеществленного труда в социалистическом производстве. Отсюда подчеркивалась необходимость пересмотра многих теоретических концепций и разработки новых экономических категорий и методов исследований (Силин, 1990. Диалектика ускорения... С. 3, 6, 7).

Смена парадигмы социально-экономического развития России в начале 1990-х годов не могла не сказаться на тематике отдела, возглавляемого А.Н. Силиным. Теперь на первый план вышел теоретический анализ объектов реформирования в рамках «рыночных» преобразований, в том числе исследование диалектики отношений собственности на средства производства. Кстати, примером первого обращения к данной проблематике стала научно-практическая конференция на тему «Генезис отношений собственности» (Генезис..., 1991), организованная Институтом экономики УрО АН СССР еще в 1991 г., то есть до официального начала современной экономической реформы в России.

Более того, уже в первой половине 1990-х годов Институт экономики УрО РАН наряду с многими другими научными учреждениями (в первую очередь — с Институтом экономики РАН) поставил под сомнение даже не ход и результаты, а саму целесообразность приватизации государственной и муниципальной собственности в России. По мере накопления эмпирического материала Институт начал выпускать серию монографий, отражающих результаты радикальных преобразований в экономике на региональном уровне (Региональные последствия..., 1994; Региональные послед-

ствия..., 1996; Экономическая реформа в регионе..., 1994). Однако особо следует выделить результаты исследования, осуществленного уже во второй половине 1990-х годов группой специалистов как в области экономики промышленности, так и в сфере экономики-математического моделирования (Перевалов и др., 1998).

Специально для оценки ситуации в промышленности Свердловской области была разработана оригинальная методика, сочетающая анализ изменения эффективности после приватизации с выделением «чистого» влияния приватизации на эффективность деятельности предприятий и отраслей. Результаты сравнения среднегодовых итогов работы 22 крупных промышленных предприятий и двух предприятий розничной торговли до и после приватизации свидетельствовали, что показатели общей результативности в целом ухудшились, в том числе у всех объектов анализа уменьшился объем прибыли и добавленной стоимости (в сопоставимых ценах), к тому же у большинства предприятий уменьшился среднегодовой объем реализации. Вместе с тем отмечалось, что примерно у 2/3 исследуемых предприятий улучшились результативные показатели работы, повысились рентабельность и инновационная активность (Перевалов и др., 1998. С. 188–189). Одним из косвенных результатов исследования стало подтверждение известной истины «Эффективность определяется не формой собственности на средства производства, а качеством управления».

Однако, рассматривая итоги приватизации в рамках экономического анализа, следует иметь в виду, что сами организаторы данного процесса воспринимали его совсем иначе. Возглавлявший в первой половине 1990-х годов Госкомимущество РФ А. Б. Чубайс откровенно заявлял, что для него приватизация была явлением, не имеющим отношения к экономике: «Вы не найдете ни в одном учебнике по макро- или микроэкономике ни одной главы по приватизации. Ведь это больше процесс организационно-политический, процедурный, чем профессионально-экономический» (Приватизация по-российски, 1999. С. 21).

А. Н. Силин в монографии «Собственность, рынок и качество экономического роста» (Силин, 2000), наоборот, рассмотрел процесс эволюции отношений собственности в реформируемой экономике России посредством аналитических возможностей политической экономии.

Традиционно в советских экономических энциклопедиях, словарях и справочниках категория «собственность» раскрывалась через отношения по поводу присвоения материальных благ (см., напр.: Политэкономический словарь, 1972. С. 269), а в юридических — либо отсутствовала (см., напр.: Юридический справочник..., 1973), либо сводилась к триединству правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение). Только в 1990-е годы происходит сближение позиций экономистов и правоведов. По крайней мере, в «Юридическом энциклопедическом словаре», опубликованном в 1996 г., и в вышедшем двумя годами позже «Большом экономическом словаре» воспроизводится дословно совпадающее определение: «Собственность — принадлежность средств и продуктов производства определенным людям — индивидам или коллективам — в определенных исторических условиях, отражающих конкретный тип отношений собственности» (Румянцев, Додонов, 1996. С. 287; Большой экономический словарь, 1998. С. 620).

Однако А. Н. Силин, избегая и марксистской трактовки (собственность как отношение), и толкования в духе римского права (собственность как совокупность правомочий), предложил рассматривать собственность как проявление условий жизнеобеспечения и жизнедеятельности любого субъекта собственности, причем в двух аспектах. В первом предназначение собственности заключалось в удовлетворении материальных и духовных потребностей людей, а во втором — в обеспечении экономической основы для предпринимательской и управленческой деятельности (Силин, 2000. С. 40).

Однако на практике, отмечал А. Н. Силин, в результате реформационных начинаний произошел не просто спад общественного производства, но и наблюдалась деградация производственного аппарата в целом. Отсюда признавалось: «Отсутствие стимулов оживления и расширения производства со стороны частных собственников и нерациональное использование государством своих объектов собственности представляют собой те спектры отношений собственности, которые должны быть предметами самого повышенного внимания» (Силин, 2000. С. 48). К сожалению, А. Н. Силин не успел продолжить начатое, и монография «Собственность, рынок и качество экономического роста» стала его научным завещанием.

Новый аспект основ взаимодействия экономических и нравственно-этических отношений был представлен в работе В. С. Бочко

«Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология)» (Бочко, 2010). Он состоял в рассмотрении их не как самостоятельных и независимых друг от друга действий, а как единого целого, подобно тому, как сам человек представляет собой не изолированное проявление его отдельных свойств, а всегда в их единении. Было обосновано положение, согласно которому обеспечить личное благополучие можно лишь во взаимодействии с другими личностями при решении как текущих, так и долговременных проблем, включая укрепление здоровья и сохранение окружающей среды. При этом творческое развитие людей как личностей должно превращаться в процессе хозяйственной деятельности в основу движения к их экономическому счастью.

Однако, несмотря на реализацию отдельных инициативных проектов, с начала 2000-х годов в ИЭ УРО РАН политическая экономия утрачивает приоритетное положение среди методологических основ исследований в сфере экономической теории, зато активно начинают развиваться методы неинституционального анализа явлений и процессов, отражающих реалии продолжающейся трансформации отечественной экономики.

Институты имеют значение

Так получилось, что категория «институт» применительно к экономической теории оказалась тесно связанной с анализом человеческого поведения. Точная дата введения этой категории в научный оборот не установлена, но считается, что, пусть и в категориально не оформленном виде, аналог института можно обнаружить уже в работах одного из первых протосоциологов рубежа XVII–XVIII вв. Дж. Вико (Вико, 1994). Молодой К. Маркс в письме П.В. Анненкову также отмечал, что «наши общественные институты являются продуктами человеческого развития» (Маркс, Т. 9. С. 406). Более того, К. Пуаро и С.Р. Павел утверждают, что К. Маркс и Ф. Энгельс даже государство рассматривали в качестве важнейшего экономического и политического института (Poirot, Pavel, 2008). Однако первым, кто обратился к институтам как категориям экономической науки, был Т. Веблен. В «Теории праздного класса» (1899) он наглядно доказал «экономичность» категории «институт»:

«Всякую социальную общность можно рассматривать как производственный или экономический механизм, структура которого складывается из того, что называется социально-экономическими институтами. Такими

институтами являются привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» (Веблен, 1984. С. 204).

Вместе с тем Т. Веблен весьма негативно относился к государству, считая его «ненормальным» институтом. «Ненормальность» государства как института, по его мнению, заключалась, как ни странно, в развитии патриотических чувств на основе укрепления различных церемоний и хищнических инстинктов (Veblen, 1919. P. 239).

Другой видный представитель раннего институционализма, Дж. Коммонс, в качестве базовой единицы анализа экономической деятельности предложил рассматривать институт трансакции. В его версии трансакция — это процесс отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, созданных обществом (Commons, 1931). Представление о государстве, в понимании Коммонса, могло быть выражено тремя словами: принуждение, порядок и право (Commons, 1931. P. 652). При этом он заявлял, что первым институционалистом следует считать К. Маркса (Commons, 2009).

Действительно, компаративный анализ теоретических основ марксизма и институционализма представляет немалый интерес. А.В. Бузгалин, А.И. Колганов и А.И. Московский установили сходство методологических и теоретических разработок марксистской и институциональной экономических теорий по пяти признакам.

Во-первых, для этих двух школ характерен методологический «холизм», то есть акцент на действиях коллективных субъектов и социально-экономической обусловленности их поведения и интересов, а индивид рассматривается как продукт определенной системы отношений (институтов).

Во-вторых, для того и другого течения характерно принципиальное внимание к «стыкам» экономических и неэкономических сфер человеческой деятельности.

В-третьих, оба направления делают акцент на наличии различных, в том числе нерыночных, экономических систем, а также на анализе трансформационных процессов, включая различные теории реформ, революций, конвергенции, смешанной экономики, переходных отношений и т. п.

В-четвертых, и для марксизма, и для институционализма характерен вывод об изменении системы экономических и социальных отношений под влиянием совершенствования технологических процессов.

В-пятых, для них типично выделение различных способов координации, в том числе отношений сознательного регулирования в рамках рыночной экономики, привносимых государством и крупными корпорациями, способными оказывать локальное регулирующее воздействие на рынок (Бузгалин, Колганов, Московский, 2012).

Можно также добавить, что Т. Веблен и его последователи на раннем этапе становления институционализма предпочитали двигаться от частного к общему. В «Экономической энциклопедии» под редакцией академика Л.И. Абалкина прямо утверждается, что традиционный институционализм основывался на индуктивном методе, то есть обобщении частных случаев, но этот путь оказался не очень продуктивным, и общая теория нового учения на этом этапе (первая треть XX в.) так и не сложилась (Экономическая энциклопедия, 1998. С. 237).

В середине XX в. институциональное направление утратило свою роль в экономической науке из-за того, что сосредоточилось на эмпирических исследованиях, пренебрегая изучением фундаментальных экономических вопросов. Возрождение интереса к данному направлению в 1960-е годы породило новую тенденцию, и неoinституционалисты предпочитали уже не индукцию, а дедукцию, используя общие принципы институционального анализа для объяснения конкретных явлений. Кроме того, традиционные институционалисты пытались изучать экономические проблемы методами других обществоведческих наук. Неoinституционалисты же изучали политологические, правовые и иные социальные проблемы методами неоклассической экономической теории (Экономическая энциклопедия, 1998. С. 237).

Неoinституциональная экономическая мысль представлена целым рядом знаковых фигур (Klein, 1999; North, 1986; Tool, 1994; и др.), хотя особое место среди них занимал Д. Норт. Следует, конечно, оговориться, что в первую очередь он был известен как специалист в области «новой экономической истории» и премию памяти А. Нобеля в 1993 г. получил именно за свои историко-экономические изыскания. Впрочем, связь с истоками хорошо прослеживается у Д. Норты в его выдержавшей около десятка переизданий до перевода на русский язык монографии «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». Для него именно «институциональные изменения определяют то, как обще-

ства развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» (Норт, 1997. С. 17).

Д. Норт также предложил несколько определений экономического содержания категории «институт», хотя хрестоматийным признано следующее: «Институты — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Таким образом, институты ограничивают и определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам согласно неоклассической теории» (North, 1989. P. 1320).

В экономической литературе можно встретить более широкое толкование институтов, в том числе как организационных форм объединения экономических агентов (Hodgson, 2008). Подобная широкая трактовка понятия институтов приводит к возможности численной оценки формирования тех или иных организаций (Макаров, 2003). Представители Центра экономической теории ИЭ УрО РАН предпочли придерживаться более употребительного толкования понятия «институт» по Д. Норту, что позволяло четче обозначить параметры институционального анализа экономических систем.

Необходимость моделирования развития экономических систем от существующих равновесных положений к новым квазиравновесным состояниям привела к формированию эволюционной экономической теории. Эволюционная теория вобрала в себя основные понятия теории биологической эволюции Ч. Дарвина: наследственность, изменчивость, отбор. Формирование данной теории прошло путь от теоретических предпосылок Т. Веблена, через теорию эволюционного развития Й. Шумпетера, к моделям эволюционного развития экономических систем Р. Нельсона — С. Уинтера (Nelson, Winter, 1982). Методологические установки и методические приемы эволюционной экономической теории также нашли отражение в работах институциональных неoinституционалистов, что позволяет говорить о формировании единой институционально-эволюционной теории.

Исследования в рамках институционально-эволюционной теории в Институте экономики УрО РАН последовательно осуществлялись, начиная с рубежа 1990–2000-х годов, и прошли через несколько этапов. Первый этап (2000–2004 гг.) был связан с приглашением в институт д. э. н., д. ф.-м. н. Е.В. Попова (с 2011 г. — члена-корреспондента РАН), ини-

цировавшего применение классического институционального подхода в экономическому анализу. Одним из значимых событий этого этапа стал организованный ИЭ УРО РАН первый Всероссийский симпозиум по экономической теории, на котором были обозначены основные проблемы современной экономической теории (Татаркин, Попов, 2003).

Второй этап (2005–2009 гг.) был уже связан с применением неинституционального подхода в теоретических исследованиях. В частности, основное внимание было уделено развитию теории трансакционных издержек, что позволило оценить ряд эффектов ослабления эндогенного оппортунизма в рамках теоретической модели «принципал – агент» (Попов, Симонова, 2005).

Применение аппарата теории трансакционных издержек дало возможность оценить институциональные ловушки, возникающие при трансформации оборонно-промышленного комплекса, создать формализованное уравнение экзогенной трансакционной функции фирмы, а также разработать эконометрическую модель оптимальности трансакционных издержек поиска информации.

Умножение объектов исследования породило необходимость позиционирования экономических институтов на уровне хозяйствующих субъектов в координатах «экзогенность/эндогенность института – работник/предприятие» (Попов, 2005). Подобное позиционирование позволило выделить вектор генезиса экономических институтов и наиболее перспективные области будущих экономических исследований. В частности, с приходом в коллектив экономиста-теоретика к. э. н. М. В. Власова начались исследования по такой актуальной теме, как экономика знаний (Попов, Власов, 2009).

Третий этап (2010–2014 гг.) характеризовался как период широкого применения аппарата институционально-эволюционной экономической теории. Этот период начался с дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы экономики», по возможностям моделирования в рамках современной институциональной теории (Попов, Сергеев, 2010). Было доказано, что экономико-математическое моделирование, опирающееся на описание динамики трансакционных издержек, вполне адекватно описывает реальные хозяйственные процессы.

Также в этот период были разработаны такие инструменты институционального анализа, как построение институциональных ат-

ласов, схемы институционального проектирования, диффузионная модель эволюции экономических институтов и др. На основе модели Дж. Уоллиса – Д. Норта (Wallis, North, 1986) была проведена оценка трансакционного сектора Свердловской области, которая показала, что он в 2010 г. занимал более 30 % валового регионального продукта, и доля этого сектора постоянно возрастала.

Четвертый этап (2015–2020 гг.) может быть охарактеризован как период формирования методологии и методики институционального моделирования применительно к развитию цифрового общества. Получили свое развитие исследования социально-инновационной деятельности и сетевых межфирменных взаимодействий. Было предложено выделить раздел экономической теории, посвященный институциональному моделированию развития цифрового общества, под общим названием «эконотроника», разработаны принципы и идеи моделирования объектов эконотроники (Попов, 2020).

Особое развитие получила проблематика моделирования умных городов (Попов, Семячков, 2020). Была разработана модель 7I (*Institutions, Infrastructure, Intranet, Integration, Interfaces, Innovations, Implementation*) и показано, что основой развития умных городов являются следующие приоритеты: инженерная инфраструктура, системы связи и коммуникаций, интеграция данных, взаимодействие пользователей и технических систем, инновации и их применение в компонентах умного города. Определено, что данные приоритеты развития умных городов опираются на применение передовых цифровых технологий и их приложений: обработку больших баз данных, применение облачных технологий, цифровых платформ, технологии блокчейна, а также процедур долевой экономики, краудсорсинга, «интернета вещей» и др.

Моделирование долевой экономики переросло в отдельное направление исследований (Попов, Веретенникова, 2020). Под ней понималась технология разумного хозяйствования, при которой потребители продукции или услуг формируют долю своего участия в развитии данной продукции или услуг. Вообще-то данный метод хозяйствования известен с древнейших времен, однако широкое распространение он получил в связи с применением цифровых технологий, в первую очередь — с развитием сети Интернет. Тем самым было обеспечено широкое внедрение облачных технологий, платформенных взаимодействий, а также

применение социальных сетей для общения потребителей и производителей продукции и услуг. Более того, благодаря взрывному характеру роста применения социо-технологических драйверов формирования цифрового общества широко распространились мгновенные сделки, и был налажен четкий учет распределенных ресурсов.

В феврале 2020 г. Центр экономической теории возглавил к. э. н. М. В. Власов. Произошла корректировка общей проблематики исследований, и к общему перечню направлений добавился анализ проблем развития человеческого капитала. В этом факте вновь подтвердилась общая тенденция к приоритетному изучению гуманитарных аспектов теоретического знания в области экономики

Так на базе исследований практического характера (моделирование межфирменных взаимодействий, развития умных городов и долевой экономики и т. д.) совершенствовался современный аппарат институциональной экономической теории, активно применяемый в Институте экономики УрО РАН. Однако в этот же период проводились исследования, связанные с историческими аспектами экономического анализа.

Экономическая теория и история

Упомянутая ранее историческая школа политической экономии в Германии не только актуализировала исследования по социальным аспектам экономической политики, но и способствовала возникновению отдельного направления в теории — историко-экономической науки, включающей в себя историю экономики и историю экономических учений. Данная наука, аккумулируя, анализируя и обрабатывая большой объем разнообразной первичной статистической и иной информации, с момента своего обособления в XIX в. стала претендовать на место среди фундаментальных экономических наук. Английский экономист Джон Невилл Кейнс, отец знаменитого Джона Мейнарда Кейнса, следующим образом определил в 1890 г. ведущие функции историко-экономической науки, которыми руководствуются и современные специалисты:

1. Историческая иллюстрация экономических теорий.

2. Историческая критика экономических теорий.

3. Историческое обоснование новых экономических теорий (Keynes J. N., 1999. P. 122, 125).

В Институте экономики УрО РАН историко-экономическая наука, естественно, не зани-

мала доминирующего положения, однако исследования в данном направлении проводились, в том числе и в рамках специализированного структурного подразделения. Во второй половине 1970-х годов в составе института появляется сначала сектор, а затем — отдел истории, который возглавил д.и.н. А. В. Бакунин. Одним из значимых результатов работы отдела стал выпуск двухтомной «Истории народного хозяйства Урала (1917–1985)», ставшей первым масштабным обзором развития экономики региона на протяжении почти всего XX столетия (История народного хозяйства..., 1988. Ч. 1; История народного хозяйства..., 1988. Ч. 2). Следует отметить, что над историей народного хозяйства Урала работал сводный коллектив историков и экономистов. В свою очередь, историки института приняли участие в работе над целым рядом масштабных тем, среди которых особое место занимала Целевая комплексная программа «Интенсификация промышленного производства Урала».

После того, как отдел истории в 1988 г. был преобразован в Институт истории и археологии УрО АН СССР, традиция проведения историко-экономических исследований в Институте экономики УрО РАН продолжилась, хотя и приобрела специфические формы. Во-первых, институт по запросам Отделения общественных наук РАН периодически выступал в качестве эксперта, оценивая разнообразные тексты, основанные в том числе и на своеобразной трактовке исторических источников. Во-вторых, в рамках плановой тематики НИР ставились задачи, требовавшие использования методов историко-экономического анализа. Это же касалось и работы над темами исследований, поддерживаемых различными грантами (РГНФ, РФФИ и др.). В-третьих, отдельные разработки в рамках историко-экономической тематики осуществлялись сотрудниками Центра экономической теории ИЭ УрО РАН в инициативном порядке.

Следует отметить, что данная проблематика не получила бы развития без поддержки возглавлявшего институт в 1991–2016 гг. академика РАН А. И. Татаркина. Еще в 1990-е годы потребность в осмыслении новых реалий вызвала к жизни проект, предполагавший изучение исторического опыта развития предпринимательства на Урале. В вышедшей по итогам проделанной под руководством А. И. Татаркина и В. Н. Задорожного монографии (Предпринимательство..., 1995) три периода экономического развития Урала (досоветский; советский; постсоветский) были пред-

ставлены очерками об успешных предприятиях и предпринимателях.

К 300-летию уральской металлургии было выпущено немало книг, брошюр и иных публикаций. Разумеется, Институт экономики УрО РАН не мог остаться в стороне, и одним из примеров участия экономистов в осмыслении пройденного отраслью пути стала написанная в научно-популярном стиле книга А.И. Татаркина и И.А. Трутнева «Российское могущество прирастало уральским металлом...» (Татаркин, Трутнев, 2002).

Применение методологии и методики историко-экономического анализа как в теоретических, так и прикладных исследованиях Института экономики УрО РАН активизировалось с началом 2000-х годов. Для не впавших в «правый уклон» научных сотрудников стало очевидным, что слепое преклонение перед «экономикс» и предлагаемым в рамках данного направления экономической теории аналитическим аппаратом не позволяет обеспечить на должном уровне содержательную часть и объективный характер реализуемых исследовательских проектов. Поэтому приходилось переосмысливать возможности уже известных методов и инструментов анализа.

К примеру, в 2004–2006 гг. в Отделе экономической конъюнктуры УрФО под руководством д.и.н. В.Л. Берсенёва разрабатывалась плановая тема НИР «Клиометрическое обоснование альтернативных вариантов развития региональных социально-экономических систем». При этом изначально было поставлено под сомнение утверждение, что исторический процесс не знает сослагательного наклонения, и что изучение прошлого не может исходить из предположения «Что было бы, если бы...». Вообще-то данное утверждение применимо лишь к событийному ряду, отраженному в летописях, хронографах и в широко распространенных за последнее время синхронистических (хронологических) таблицах. История же как наука занимается не пересказом, а анализом и трактовкой выявленных источников, и в этом отношении получаемые в ходе исследования выводы могут быть самыми разнообразными, вплоть до разработки альтернативных вариантов изучаемых тенденций и явлений.

Как известно, ретроальтернативное прогнозирование или контрафактическое моделирование — составная часть клиометрики или «новой экономической истории» — зародилось еще в 1950-е годы в США, однако интерес к нему в среде отечественных экономистов

и историков сформировался только в 1990-х годах. Их привлек тот факт, что историко-экономическая ретроальтернативистика предлагает инструментарий для обоснования гипотетических тенденций, характеризующихся конкретными числовыми параметрами, а методы скользящего среднего и экспоненциального сглаживания как раз и используются для прогнозирования временных рядов. Модель, построенную по ретроспективным данным, можно использовать при наличии устоявшейся тенденции в динамике значений прогнозируемого параметра.

Исследователи из Института экономики УрО РАН дополнили общий подход к построению моделей набором требований, обеспечивающих более высокую степень достоверности получаемых в ходе исследования результатов:

1. «Точка бифуркации», то есть момент времени, с которого начинается расчет альтернативного варианта развития, должна быть конкретно определенной и связанной с реальными событиями, допускающими различные тенденции в последующей эволюции системы.

2. Допущения, лежащие в основе ретроальтернативных прогнозов, не должны быть фантастическими.

3. Привлекаемая для расчетов статистика должна быть достоверной или, по крайней мере, восприниматься исследователями как таковая.

Для апробации своей методики контрафактического моделирования сотрудники ИЭ УрО РАН использовали допущение, что реформаторский блок Правительства России после разрешения политического кризиса сентября-октября 1993 г. в рамках ускорения процессов приватизации пойдет на «всеобщую фермеризацию» сельского хозяйства. При этом учитывалось, что начиная с 1995 г. и вплоть до 1998 г. воздействие внеэкономических факторов на развитие сельского хозяйства было не столь значительным, как в предшествующий период. Кроме того, статистические данные стали более надежными, и поэтому можно было построить достаточно реалистичную контрафактическую модель.

Чтобы не усложнять расчеты, за основу были взяты статистические данные не по всему Уралу, а только по Свердловской области. В результате имитационный эксперимент показал, что и при самых благоприятных обстоятельствах объем производства в фермерских хозяйствах не достигал бы даже 10 % от ожидаемого уровня (Берсенёв, Горст, 2007). Иными словами, многократное произнесение магиче-

ского слова «свобода» не гарантировало экономического успеха, пусть и в такой узкой сфере, как сельское хозяйство Свердловской области. Впоследствии результаты этого исследования использовались при работе над проектом, поддерживаемом грантом РГНФ № 11–12–66002а/У «Контрафактическая модель воздействия институциональных факторов на эволюцию региональных социально-экономических систем» (Берсенёв, Важенин, Парфёнов, 2011; Берсенёв, 2012).

Также следует выделить грант РГНФ № 04–02–00303а, тема «Соперничество экономических теорий: история и идеология». Среди вышедших по этой теме публикаций были работы, посвященные генезису экономической теории как науки (Берсенёв, Татаркин, Шеломенцев, 2005) и теоретическим диспутам по таким проблемам, как роль государства в экономике, природа доходов (Берсенёв. Конфуций и Шан Ян..., 2005; Берсенёв. Спорные категории..., 2005; и др.) Соответственно, историко-экономическая тематика также нашла отражение в выступлениях сотрудников ИЭ УрО РАН на различных научных конференциях и иных форумах (Берсенёв. Кризис и цикл..., 2005; Берсенёв, Сухих, 2004; Берсенёв, Татаркин, 2015; и др.).

Новым тематическим направлением в работе Института становится анализ категории «экономика доверия». Изучение столь неоднозначного явления невозможно без активного привлечения исторического материала, о чем свидетельствуют и публикации по этой теме (Важенин, Сухих, 2006; Важенин, Сухих, 2010; Сухих, Важенин, Татаркин, 2005). В свою очередь, при обращении к категории «экономика знаний» д. э. н. В. С. Бочко уделял особое внимание воззрениям российских экономистов XIX — начала XX веков по данной проблематике (Бочко, 2005).

Особо следует сказать о коллективном труде, посвященном истории Института экономики УрО РАН (История Института..., 2002). Несмотря на юбилейный характер публикации, в ней содержался солидный материал по тематике и направленности академических экономических исследований, осуществлявшихся на Урале начиная с 1941 г., и предлагался историографический обзор наиболее значимых публикаций института вплоть до начала 2000-х годов.

В настоящее время перспективными представляются инициативные исследования, направленные на углубление представлений о таком неотъемлемом элементе клиометрического анализа, как «точка бифуркации».

Термин «бифуркация» в значении «развилка» или «разветвление» приобрел известность благодаря А. Пуанкаре, хотя в научно-популярных статьях до конца 1980-х гг. в качестве синонима «бифуркации» чаще всего упоминали двусмысленный термин «катастрофа». Преодолеть границы математического дискурса удалось после публикации работ И. Пригожина и И. Стенгерс (Пригожин, Стенгерс, 1988), а также Г. Хакена (Хакен, 1985), в которых были сформулированы принципы самоорганизации систем, а новый междисциплинарный подход получил название «синергетика».

Синергетика привлекает внимание историков экономики математическими моделями, в которых эволюция не является жестко детерминированной, то есть наблюдается чередование периодов, когда вектор развития изменить невозможно (так называемое движение по аттрактору), и «точек бифуркации», в которых возникает возможность выбора. Однако, хотя попытки синтеза клиометрики и синергетики привели к появлению клиодинамики, большинство ученых относится к новым методам скептически. Соответственно, целью будущих исследований должна стать разработка методики, которая позволяла бы при наличии определенного набора хронологически последовательных достоверных фактов выделять среди них лишь те события, которые являлись необходимым условием и возможной причиной качественных изменений в эволюции анализируемой политической или социально-экономической системы.

Заключение

Десятилетия активного проведения научно-исследовательских работ по широкому спектру актуальных проблем экономической науки, в том числе и в области экономической теории, предоставляют достаточно много оснований для подведения некоторых итогов. Пожалуй, первым из них станет признание того, что экономическая теория в Институте экономики УрО РАН была и остается одним из приоритетных направлений исследований наряду с регионалистикой и отраслеведением.

Также необходимо отметить, что «теоретики» ИЭ УрО РАН своими работами подтверждали верность многовековому тренду в экономических исследованиях, направленному на изучение человека как субъекта и объекта хозяйственной деятельности. С момента институционального оформления подразделения политэкономического профиля в институте осуществлялись исследования по вопросам

развития социальной инфраструктуры как ведущего инструмента по созданию благоприятных условий для развития творческих возможностей человека труда. Сам общественный труд, живой и овеществленный, его эффективность, особенности оценки и т. д. тоже находились в центре внимания политэкономов ИЭ УрО РАН.

С активизацией неинституциональных исследований гуманитарная составляющая анализа пополнилась новыми сюжетами. Это и позиционирование экономических институтов в системе отношений «работник — предприятие», и совершенствование среды обитания в условиях цифровизации различных сторон общественного и личного бытия, и новое направление в работе Центра экономической теории ИЭ УрО РАН — вопросы идентификации и развития человеческого капитала.

Очевиден и вывод, что «теоретики» института наряду со специалистами в других сферах экономического знания не отрывались от жизни. Если в 1970–1980-х годах они развивали отдельные аспекты нуждающейся в новых концепциях политической экономии социализма, то с началом современной экономической реформы «теоретики» сосредоточились на анализе самого процесса преобразований, в частности — вполне обоснованно подвергли

критике ход приватизации государственного и муниципального имущества, поскольку категория «собственность» требует научного осмысления, а не использования в качестве инструмента для достижения сиюминутных политических целей. В 2000-е годы в центре внимания оказались институциональные ловушки — еще одно из следствий непродуманности и неудачного хода рыночных преобразований. Процесс перехода к цифровой экономике также потребовал соответствующего теоретического обоснования.

Наконец, в рамках теоретического дискурса продолжался поиск новых форм и направлений экономического анализа. В частности, в инициативном порядке в Институте экономики УрО РАН осуществлялись исследования по историко-экономической тематике. Разработка аналитического аппарата клиометрики на базе тенденций развития уральской экономики как в ретроспективе, так и в перспективе, возможно, позволит открыть новые горизонты научного поиска.

Таким образом, сотрудники Центра экономической теории Института экономики УрО РАН встречают двойной юбилей академической экономической науки на Урале с осознанием того, что и они внесли свой вклад в ее становление и развитие.

Список источников

- Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4: пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Добатуре. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.
- Афинский К.* Домострой // Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения: Воспоминания о Сократе. Защита Сократа на суде. Пир. Домострой / перевод, статьи и коммент. С. И. Соболевского. М.; Л.: Изд-во «ACADEMIA», 1935. 446 с.
- Барлова Ю. Е.* «Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструкциях Иеремии Бентама // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 166–186.
- Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 416 с.
- Берсенёв В. Л.* Институциональные факторы реализации современной экономической реформы в России: препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 57 с.
- Берсенёв В. Л.* Конфуций и Шан Ян: в поисках идеального государства // Дискурс-Пи: Научно-практический альманах. 2004. № 1(4). С. 15–19.
- Берсенёв В. Л.* Кризис и цикл в экономической литературе: от пионеров анализа к проблемам УрФО // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции, октябрь 2005 г.: в 2-х т. Т. 2. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2005. С. 3–10.
- Берсенёв В. Л.* Спорные категории в истории экономической мысли: перспективы для России // Проблемы региональной экономики. 2005. № 1–2. С. 24–32.
- Берсенёв В. Л., Горст А. П.* Генеалогия термина «политическая экономия» // Журнал экономической теории. 2005. № 4. С. 43–53.
- Берсенёв В. Л., Горст А. П.* Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // Экономика региона. 2007. № 2. С. 33–43.
- Берсенёв В. Л., Важенин С. Г., Парфёнов С. А.* Основы ретроальтернативного анализа современной экономической реформы в России: препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 68 с.

- Берсенёв В. Л., Сухих В. В.* Клиометрика как сомнение: поиск новых подходов к истории техники // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции, 7 апреля 2004 г.: в 2-х т. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. С. 8–16.
- Берсенёв В. Л., Татаркин А. И.* Столыпинская аграрная реформа на Урале в оценках историков и экономистов // Экономика Сибири: пространство выбора для дальнейшего развития: материалы и выступления [VI Столыпинская конференция, Барнаул, 4–5 сентября 2015 г.]. Барнаул: ООО «ПАПИРУС», 2015. С. 21–26.
- Берсенёв В. Л., Татаркин А. И., Шеломенцев А. Г.* Соперничество теорий как основа генезиса политической экономики: препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. 81 с.
- Большой энциклопедический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 3-е изд., стереотип. М.: Институт новой экономики, 1998. 864 с.
- Бочко В. С.* «Домострой» — экономический документ эпохи зарождения первоначального накопления капитала в России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 1 (13). С. 110–123.
- Бочко В. С.* Русские экономисты XIX — начала XX веков о знаниях и образовании как факторах экономического роста // Журнал экономической теории. 2005. № 1. С. 97–103.
- Бочко В. С.* Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 316 с.
- Бочко В. С., Татаркин А. И., Берсенёв В. Л.* Судьба политической экономики в условиях современных исторических вызовов: продолжение кризиса или начало возрождения? // Журнал экономической теории. 2015. № 3. С. 28–41.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И., Московский А. И.* Марксизм и институционализм: сравнительное исследование // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. 2012. № 5. С. 3–18.
- Важенин Г. Ф., Важенин С. Г., Неустров В. Ф.* Город и деревня. Новый этап сближения. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. 136 с.
- Важенин С. Г.* Объективные предпосылки и закономерности ускорения развития социальной инфраструктуры // Социальная инфраструктура в народнохозяйственном комплексе региона: препринт. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1980. С. 3–16.
- Важенин С. Г.* Социальная инфраструктура народнохозяйственного комплекса (политэкономический аспект регионального развития). М.: Наука, 1984. 171 с.
- Важенин С. Г., Сухих В. В.* Доверие в российской торгово-промышленной среде XIX–XX веков // ЭКО. 2006. № 6. С. 168–182.
- Важенин С. Г., Сухих В. В.* Доверие в торговых традициях исламских стран // ЭКО. 2010. № 7. С. 136–147.
- Важенина И. С., Важенин С. Г.* Совершенствование вещественного и личного факторов функционирования социальной инфраструктуры (на примере производства бытовых услуг) // Организация и функционирование инфраструктуры региона и его отдельных подсистем: сб. статей. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1983. С. 67–79.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М.-К.: REFL-book, ИСА, 1994. 628 с.
- Генезис отношений собственности: тезисы респ. науч.-практ. конференции. Свердловск: ИЭ УрО АН СССР, 1991. 291 с.
- Деменёв А. И.* Инфраструктура региона и ее социально-экономические функции // Организация и функционирование инфраструктуры региона и его отдельных подсистем: сб. статей. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1983. С. 3–6.
- Домострой. Поучения и наставления всякому христианину / сост., вступит. ст. и коммент. В. В. Колесова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 448 с.
- История Института экономики Уральского отделения Российской академии наук / под ред. чл.-кор. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2002. 632 с.
- История народного хозяйства Урала: в 2 ч. / отв. Ред. М. А. Сергеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. Ч. 1. 256 с.
- История народного хозяйства Урала: в 2 ч. / отв. Ред. М. А. Сергеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. Ч. 2. 256 с.
- Ликин А. М.* Городская среда и пути ее совершенствования в системе социальной инфраструктуры города // Организация и функционирование инфраструктуры региона и его отдельных подсистем: сб. статей. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1983. С. 112–125.
- Лист Ф.* Национальная система политической экономики: [пер. с нем.] / Фридрих Лист. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист / С. Ю. Витте. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. / Д. И. Менделеев. М.: Европа, 2005. С. 23–256.
- Любимов С. А., Денисова З. А.* Вопросы развития социально-бытовой инфраструктуры в хозяйственном комплексе города // Организация и функционирование инфраструктуры региона и его отдельных подсистем: сб. статей. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1983. С. 107–111.
- Макаров В. Л.* Исчисление институтов // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 14–37.
- Маркс К. П.* В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1962. 2-е изд. Т. 27. С. 401–412.
- Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. 408 с.

- Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. III. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. 343 с.
- Милль Дж. С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
- Морозов Г. Б.* Об оценке экономической эффективности затрат на развитие социальной инфраструктуры // Социальная инфраструктура в народнохозяйственном комплексе региона: препринт. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1980. С. 55–65.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической мысли «Начала», 1997. 180 с.
- Ойкен В.* Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. 351 с.
- Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. 496 с.
- Первалов Ю. В., Басаргин В. Ф., Бурков А. Л., Гимади И. Э., Добродей В. В., Романова О. А.* Приватизация и эффективность деятельности отраслей и предприятий: ситуация в промышленности Свердловской области. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 190 с.
- Платон.* Государство // Платон. Сочинения в трёх томах. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. 232 с.
- Политэкономический словарь* / под ред. Е. Ф. Борисова и др. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1972. 304 с.
- Попов Е. В.* Эконотроника: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2020. 384 с.
- Попов Е. В.* Миниэкономические институты // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 96–108.
- Попов Е. В., Веретенникова А. Ю.* Долевая экономика: монография. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. 405 с.
- Попов Е. В., Власов М. В.* Институты миниэкономики знаний. М.: Academia, 2009. 288 с.
- Попов Е. В., Семячков К. А.* Умные города: монография. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. 346 с.
- Попов Е. В., Сергеев А. М.* Современный российский институционализм: к продолжению дискуссии // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 103–116.
- Попов Е. В., Симонова В. Л.* Эндогенный оппортунизм в теории «принципала — агента» // Вопросы экономики. 2005. № 3. С. 118–130.
- Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Наука, 2003. 253 с.
- Предпринимательство на Урале: история и современность.* / [Ред. М. А. Федотовских]; Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. 256 с.
- Приватизация по-русски* / под ред. А. Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. 366 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Региональные последствия макроэкономических реформ* / А. И. Татаркин, Г. Ф. Пешков, И. А. Пыхова и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1994. 108 с.
- Региональные последствия социально-экономических реформ* / А. И. Татаркин, Г. Ф. Пешков, И. А. Пыхова и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1996. 213 с.
- Румянцев О. Г., Додонов В. Н.* Юридический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1996. 384 с.
- Сергеев М. А.* Действие экономических законов и действия людей: препринт. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1981. 48 с.
- Сергеев М. А.* Социалистические производственные отношения и пути их совершенствования. М.: Наука, 1987. 160 с.
- Сергеев М. А., Пыхова И. А., Деменёв А. И.* Региональная экономика и закономерности ее развития. М.: Наука, 1985. 159 с.
- Сергеев М. А., Пыхова И. А., Чичканов В. П.* Социально-экономические проблемы повышения эффективности общественного труда: Вопросы теории и методологии. Народнохозяйственный и региональный аспекты. М.: Наука, 1983. 148 с.
- Силин А. Н.* Дialeктика ускорения и хозяйственный механизм // Социально-экономические рычаги интенсификации производства (политэкономический аспект): сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 3–14.
- Силин А. Н.* Живой и овеществленный труд в механизме экономических процессов. М.: Наука, 1990. 104 с.
- Силин А. Н.* Собственность, рынок и качество экономического роста. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 161 с.
- Силин А. Н., Борисов Д. С.* Движение живого и овеществленного труда в отражении закономерностей развития общественного производства // Социально-экономические рычаги интенсификации производства (политэкономический аспект): сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 28–40.
- Слудковская М. А.* Политическая экономия Антуана де Монкретьена (к 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 2. С. 109–120.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- Смит А.* Теория нравственных чувств / вступ. ст. Б. В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997. 351 с.
- Сухих В. В., Важенин С. Г., Татаркин А. И.* Доверие в экономике: история зарождения, попытки возрождения. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. 84 с.
- Татаркин А. И., Попов Е. В.* Основные вопросы современной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 145–149.
- Татаркин А. И., Трутнев И. А.* Российское могущество прирастало уральским металлом... (К 300-летию отечественной металлургии). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2002. 203 с.

- Хакен Г. Синергетика: Иерархии неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах: пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. Ю. Л. Климонтовича. М.: Мир, 1985. 423 с.
- Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, ее предмет и метод. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1897. 112 с.
- Шторх А. К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008. 1120 с.
- Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т.; пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. 494 с.
- Экономическая реформа в регионе: проблема сочетания федерального и территориального / А. И. Татаркин, Г. Ф. Пешков, Е. Н. Сидорова и др.; отв. ред. А. И. Татаркин. Екатеринбург: Наука. Урал. отд-ние, 1994. 280 с.
- Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л. И. Абалкин. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 1055 с.
- Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Начала-Пресс, 1991. 332 с.
- Юридический справочник для населения. М.: Юридическая литература, 1973. 520 с.
- Янжул И. И. Бисмарк и государственный социализм // Вестник Европы. 1890. № 8. С. 728–729.
- Commons J. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21. No. 4. P. 648–657.
- Commons J. R. Marx Today: Capitalism and Socialism [1925] // Journal of Institutional Economics. 2009. Vol. 5. No. 1. P. 117–136.
- Hodgson G. M. What Are Institutions? // Journal of Economic Issues. 2006. Vol. XL. No. 1. P. 1–26.
- Keynes J. N. The Scope and Method of Political Economy. Kitchener: Batoche Books, 1999. 231 p.
- Klein P. G. New Institutional Economics // Encyclopedia of Law and Economics. 1999. URL: <https://reference.findlaw.com/lawandeconomics/0530-new-institutional-economics.pdf> (дата обращения 13.01.2021).
- Nelson R., Winter S. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 452 p.
- North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development. 1989. Vol. 17. No. 9. P. 1319–1332.
- North D. C. The new Institutional Economics and Development // Journal Institutional and Theoretical Economics. 1986. Vol. 142. P. 230–237.
- Poirot C., Pavel S. R. The State, Public Policy and Heterodox Economics: An Introduction // For Social Economics. 2008. Vol. 37. No. 1. P. 1–12.
- Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd Edition. L.: Macmillan, 1935. 160 p.
- Sidgwick H. Scope and Method of economic Science. L.: MacMillan and Co, 1885. 57 p.
- St. Thomas Aquinas. Summa Theologica // The History of Economic Thought: A Reader / Ed. by Steven G. Medema and Warren J. Samuels. L.; N.Y.: Routledge, 2003. P. 18–29.
- Tool M. R. Institutional Adjustment and instrumental Value // Review of institutional political Economy. 1994. No. 1(3). P. 405–443.
- Vaitheswaran R. Economic Ethics of Henry Sidgwick. Ames (Iowa): Iowa State University, 1978. 231 p.
- Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: Huebsch, 1919. 517 p.
- Wagner A. Lehr- und Handbuch der politischen Oekonomie/ Erste Hauptabteilung: Grundlegung der politischen Oekonomie. Dritte Auflage. Leipzig: C.F. Winter'sche Verlagshandlung, 1892. 930.
- Wallis J., North D. Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth / Ed. by Stanley L. Engerman and Robert E. Gallman. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 95–148.

References

- Afinskiy, K. (1935). Domostroy [The Domostroy]. *Ksenofont Afinskiy. Sokraticheskie sochinenii: Vospominaniya o Sokrate. Zashchita Sokrata na sude. Pir. Domostroy [Xenophon's Socratic Writings: Memoirs of Socrates. Defense of Socrates before the Jury]*. Translated by Sobolevskiy S. I. Moscow; Leningrad: Izd-vo «ASADEMIA», 446. (In Russ.)
- Aristotel' (1983). Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]. *Aristotel'. Sochineniya: v 4-kh t. [Aristotle. Essays: in 4 volumes]*, 4. In A. Dovatur (Eds.). Moscow: Mysl', 53–293. (In Russ.)
- Barlova, Yu. Ye. (2010). «Nadzor i pribyl'»: obshchestvennoe prizrenie i sotsial'naya pomoshch' v teoreticheskikh konstruktakh Ieremii Bentama [‘Surveillance and profit’: poor relief and social care in theoretical constructs by Jeremy Bentham]. *Dialog so vremenem [Dialogue with time]*, 33, 166–186. (In Russ.)
- Bentham, J. (1998). *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]*. Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 416. (In Russ.)
- Bersenev, V. L. (2012). *Institutsional'nye faktory realizatsii sovremen-noy ekonomicheskoy reformy v Rossii: preprint [Institutional factors of the implementation of modern economic reform in Russia:preprint]*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 57. (In Russ.)
- Bersenev, V. L. (2004). Konfutsiy i Shan Yan: v poiskakh ideal'nogo gosudarstva [Kon Fu Tzi And Shan Yan: in the Searches of Ideal State]. *Diskurs-Pi: Nauchno-prakticheskiiy al'manakh [Discourse-P: Scientific and practical almanac]*, 1(4), 15–19. (In Russ.)
- Bersenev, V. L. (2005). Krizis i tsikl v ekonomicheskoy literature: ot pio-nerov analiza k problemam UrFO [Crisis and cycle in the economic literature: from the pioneers of analysis to the problems of the Ural Federal District]. *Ural industrial'nyy*.

Bakunin-skie chteniya. Materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, ok-tyabr' 2005, v 2-kh t. [Ural industrial. Bakunin readings. Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference, October 2005. In 2 Volumes], 2. Ekaterinburg: OOO «Izdatel'stvo UMTs UPI», 3–10. (In Russ.)

Bersenev, V. L. (2005). Spornye kategorii v istorii ekonomicheskoy mys-li: perspektivy dlya Rossii [Controversial Categories in the History of Economic Thought: Prospects for Russia]. *Problemy regional'noy ekonomiki [Problems of the regional economy]*, 1–2, 24–32. (In Russ.)

Bersenev, V. L., & Gorst, A. P. (2005). Genealogiya termina «politicheskaya eko-nomiya» [Genealogy of the term “political economy”]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 4, 43–53. (In Russ.)

Bersenev, V. L., & Gorst, A. P. (2007). Opyt retroal'ternativnogo prognozi-rovaniya razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem (na primere sel'-skogo khozyaystva Sverdlovskoy oblasti v 1990-e gody) [The experience of retroalternative prognosing of socio-economic systems development (on the example of agricultural complex of sverdlovskaya area in 1990 years)]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 2, 33–43. (In Russ.)

Bersenev, V. L., Vazhenin, S. G., & Parfenov, S. A. (2011). *Osnovy retroal'ternativnogo analiza sovremennoy ekonomicheskoy reformy v Rossii: preprint [The basics of counterfactual; analysis of current economic reforms in Russia: Preprint]*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 68. (In Russ.)

Bersenev, V. L., & Sukhikh, V. V. (2004). Kliometrika kak somnenie: poisk novykh podkhodov k istorii tekhniki [Cliometrics as a doubt: the search for new approaches to the history of technology]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 7 aprelya 2004 g.: v 2-kh t. [Ural industrial. Bakunin Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, April 7, 2004: in 2 volumes]*, 2. Ekaterinburg: Izd-vo AMB, 8–16. (In Russ.)

Bersenev, V. L., & Tatarin, A. I. (2015). Stolypinskaya agrarnaya reforma na Urale v otsenkakh istorikov i ekonomistov [Stolypin agrarian reform in the Urals in the assessments of historians and economists]. *Ekonomika Sibiri: pro-stranstvo vybora dlya dal'neyshego razvitiya: materialy i vystuple-niya [VI Stolypinskaya konferentsiya, Barnaul, 4–5 sentyabrya 2015 g.] [The economy of Siberia: a space of choice for further development: materials and speeches [VI Stolypin Conference, Barnaul, 4–5 September 2015]]*. Barnaul: OOO «PAPIRUS», 21–26. (In Russ.)

Bersenev, V. L., Tatarin, A. I., & Shelomentsev, A. G. (2005). *Sopernichestvo teoriy kak osnova genezisa politicheskoy ekonomii: preprint [Rivalry of theories as the basis of the Genesis of Political Economy: preprint]*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 81. (In Russ.)

Azriliyan, A. N. (Eds.) (1998). *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Large encyclopedic dictionary]*, 3rd Edition, stereotype. Moscow: Institut novoy ekonomiki, 864. (In Russ.)

Bochko, V. S. (2006). «Domostroy» — ekonomicheskii dokument epokhi zarozh-deniya pervonachal'nogo nakopleniya kapitala v Rossii [“Domostroy» — an economic document of the initial accumulation of the capital generation epoch in Russia”]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of new Economy]*, 1(13), 110–123. (In Russ.)

Bochko, V. S. (2005). Russkie ekonomisty XIX — nachala KhKh vekov o znaniyakh i obrazovanii kak faktorakh ekonomicheskogo rosta [Russian economists of the XIX-early XX centuries on knowledge and education as factors of economic growth]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 1, 97–103. (In Russ.)

Bochko, V. S. (2010). *Integrativnoe strategicheskoe razvitie territoriy (teoriya i metodologiya) [Integrative strategic development of territories (theory and methodology)]*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 316. (In Russ.)

Bochko, V. S., Tatarin, A. I., & Bersenev, V. L. (2015). Sud'ba politicheskoy ekonomii v usloviyakh sovremennykh istoricheskikh vyzovov: prodolzhe-nie krizisa ili nachalo vozrozhdeniya? [The fate of political economy in today's historic challenges: the continuation of the crisis or the beginning of a renaissance?]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 3, 28–41. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I., & Moskovskiy, A. I. (2012). Marksizm i institutsionalizm: sravnitel'noe issledovanie [Marxism and Institutionalism: Comparative Analysis]. *Vestnik MGU. Seriya 6. Ekonomika [The Moscow University Economics Bulletin]*, 5, 3–18. (In Russ.)

Vazhenin, G. F., Vazhenin, S. G., & Neustroev, V. F. (1976). *Gorod i derevnya. Novyy etap sblizheniya [City and village. A new stage of rapprochement]*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 136. (In Russ.)

Vazhenin, S. G. (1980). Ob'ektivnye predposylki i zakonomernosti usko-reniya razvitiya sotsial'noy infrastruktury [Objective prerequisites and regularities of accelerating the development of social infrastructure]. *Sotsial'naya infrastruktura v narodnokhozyaystvennom komplekse regiona: preprint [Social infrastructure in the national economic complex of the region: preprint]*. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 3–16. (In Russ.)

Vazhenin, S. G. (1984). *Sotsial'naya infrastruktura narodnokhozyaystvenno-go kompleksa (politekonomicheskii aspekt regional'nogo razvitiya) [Social infrastructure of the national economic complex (the political and economic aspect of regional development)]*. Moscow: Nauka, 171. (In Russ.)

Vazhenin, S. G., & Sukhikh, V. V. (2006). Doverie v rossiyskoy trgovno-promyshlennoy srede XIX — XX vekov [Trust in the Russian commercial and industrial environment of the XIX-early XX centuries]. *EKO [ECO]*, 6, 168–182. (In Russ.)

Vazhenin, S. G., & Sukhikh, V. V. (2010). Doverie v trgovnykh traditsiyakh islamskikh stran [Trust in the trade traditions of Islamic countries]. *EKO [ECO]*, 7, 136–147. (In Russ.)

Vazhenina, I. S., & Vazhenin, S. G. (1983). Sovershenstvovanie veshchestvennogo i lichnogo faktorov funktsionirovaniya sotsial'noy infrastruktury (na primere proizvodstva bytovykh uslug) [Improving the material and personal factors of the functioning of social infrastructure (on the example of the production of household services)]. *Organizatsiya i*

- funktio-nirovanie infrastruktury regiona i ego otdel'nykh podsystem: sb. Statey [Organization and functioning of the region's infrastructure and its separate subsystems: collected papers]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 67–79. (In Russ.)*
- Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]. Moscow: Progress, 367. (In Russ.)*
- Vico, G. (1994). *Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsiy [Foundations of a New Science on the Common Nature of Nations]. M.-K.: REFL-book, ISA, 628. (In Russ.)*
- Genezis otnošeniy sobstvennosti: tezisy resp. nauch.-prakt. konferentsii [Genesis of property relations: theses of the Rep. scientific and practical conference]. (1991). Sverdlovsk: IE UrO AN SSSR, 291. (In Russ.)*
- Demenev, A. I. (1983). *Infrastruktura regiona i ee sotsial'no-ekonomicheskie funktsii [The infrastructure of the region and its socio-economic functions]. Organizatsiya i funktsionirovanie infrastruktury regiona i ego otdel'nykh podsystem: sb. Statey [Organization and functioning of the region's infrastructure and its separate subsystems: collected papers]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 3–6. (In Russ.)*
- Platonov, O. A. (Eds.) (2014). *Domostroy. Poucheniya i nastavlenniya vsyakomu khristianinu sost., vstupit. st. i komment. V.V. Kolesova [Domostroy. Teachings and instructions to every Christian. Introductory article and comments of Kolesov V. V.]. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana, 448. (In Russ.)*
- Tatarkin, A. I. (Eds.) (2002). *Istoriya Instituta ekonomiki Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [History of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 632. (In Russ.)*
- Sergeev, M. A. (Eds.). (1988). *Istoriya narodnogo khozyaystva Urala: v 2 ch. [History of the national economy of the Urals: in 2 parts]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1st part, 256. (In Russ.)*
- Sergeev, M. A. (Eds.). (1990). *Istoriya narodnogo khozyaystva Urala: v 2 ch. [History of the national economy of the Urals: in 2 parts]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 2nd part, 256. (In Russ.)*
- Likin, A. M. (1983). *Gorodskaya sreda i puti ee sovershenstvovaniya v si-steme sotsial'noy infrastruktury goroda [Urban environment and ways of its improvement in the system of social infrastructure of the city]. Organizatsiya i funktsionirovanie infrastruktury regiona i ego otdel'nykh podsystem: sb. Statey [Organization and functioning of the infrastructure of the region and its individual subsystems: collected papers]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 112–125. (In Russ.)*
- List, F. (2005). *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii: [per. s nem.] / Fridrikh List. Po povodu natsionalizma. Natsional'naya ekonomiya i Fridrikh List / S. Yu. Vitte. Tolkovyy tarif, ili Issledovanie o razvitii promyshlennosti Rossii v svyazi s ee obshchim tamozhennym tarifom 1891 g./ D. I. Mendeleev [The National system of political economy: [translated from German] / Friedrich List. On the subject of nationalism. National Economy and Friedrich List / S. Yu. Vitte. Explanatory tariff, or a study on the development of the Russian industry in connection with its general customs tariff of 1891 / D. I. Mendeleev]. Moscow: Evropa, 23–256. (In Russ.)*
- Lyubimov, S. A., & Denisova, Z. A. (1983). *Voprosy razvitiya sotsial'no-bytovoy infrastruktury v khozyaystvennom komplekse goroda [Questions of the development of social and household infrastructure in the economic complex of the city]. Organizatsiya i funktsionirovanie infrastruktury regiona i ego otdel'nykh podsystem: sb. statey [Organization and functioning of the infrastructure of the region and its individual subsystems: collection of articles]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 107–111. (In Russ.)*
- Makarow, V. L. (2003). *Ischislenie institutov [Calculus of institutions]. Ekonomika i matematicheskie metody [Economic and Mathematical Methods], 39(2), 14–37. (In Russ.)*
- Marks, K. (1962). *P. V. Annenkovu, 28 dekabrya 1846 g. [Letter to Annenkov]. Marks K., Engel's F. Soch. [Marx, K., Engels, F. Collected works], 2nd edition, 27, 401–412. (In Russ.)*
- Marshall, A. (1993). *Printsipy ekonomicheskoy naukiv [Principles of Economics], Vol. 1. Moscow: Izd. gruppa «Progress», 408. (In Russ.)*
- Marshall, A. (1993). *Printsipy ekonomicheskoy nauki [Principles of Economics], Vol. 3. Moscow: Izd. gruppa «Progress», 343. (In Russ.)*
- Mill, J. S. (2007). *Osnovy politicheskoy ekonomii s nekotorymi pri-lozheniyami k sotsial'noy filosofii [Principles of Political Economy with some of their applications to social philosophy]. Moscow: Eksmo, 1040. (In Russ.)*
- Morozov, G. B. (1980). *Ob otsenke ekonomicheskoy effektivnosti zatrat na razvitie sotsial'noy infrastruktury [On the assessment of the economic efficiency of costs for the development of social infrastructure]. Sotsial'naya infrastruktura v narodnokhozyaystvennom komplekse regiona: preprint [Social infrastructure in the national economic complex of the region: preprint]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 55–65. (In Russ.)*
- North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoy mysli «Nachala», 180. (In Russ.)*
- Eucken, V. (1996). *Osnovy natsional'noy ekonomii [The foundations of Economics]. Moscow: Ekonomika, 351. (In Russ.)*
- Eucken, V. (1995). *Osnovnye printsipy ekonomicheskoy politiki [Basic principles of economic policy]. Moscow: Progress, 496. (In Russ.)*
- Perevalov, Yu. V., Basargin, V. F. et al. (1998). *Privatizatsiya i effektivnost' deyatelnosti otrasley i predpriyatiy: situatsiya v promyshlennosti Sverdlovskoy oblasti [Privatization and efficiency of industries and enterprises: the situation in the industry of the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: UrO RAN, 190. (In Russ.)*
- Plato (1971). *Gosudarstvo [The state]. Platon. Sochineniya v trekh tomakh [Plato. Essays in three volumes], 3(1). Moscow: Mysl', 232. (In Russ.)*

- Borisov, E. F. et al. (Eds.) (1972). *Politekonomicheskiy slovar'* [Political and economic dictionary], 2nd Edition. Moscow: Politizdat, 304. (In Russ.)
- Popov, E. V. (2020). *Ekonoionika: monografiya* [Econotronics: monograph]. Tyumen': Izd-vo Tyumen-skogo gosuniversiteta, 384. (In Russ.)
- Popov, E. V. (2005). Miniekonomicheskie instituty [Minieconomic Institutions]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 12, 96–108. (In Russ.)
- Popov, E. V., & Veretennikova, A. Yu. (2020). *Dolevaya ekonomika: monografiya* [Sharing Economy: monograph]. Moscow: Izd-vo «Yurayt», 405. (In Russ.)
- Popov, E. V., & Vlasov, M. V. (2009). *Instituty miniekonomiki znaniy* [Institutes of Mini-economics of Knowledge]. Moscow: Academia, 288. (In Russ.)
- Popov, E. V., & Semyachkov, K. A. (2020). *Umnye goroda: monografiya* [Smart cities: monograph]. Moscow: Izd-vo «Yurayt», 346. (In Russ.)
- Popov, E. V., & Sergeev, A. M. (2010). Sovremennyy rossiyskiy institutsiona-lizm: k prodolzheniyu diskussii [The Modern Russian Institutionalism: Further Discussion]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2, 103–116. (In Russ.)
- Popov, E. V., & Simonova, V. L. (2005). Endogennyy opporunizm v teorii «printsipala — agenta» [Endogenous Opporunism in the Principal-Agent Theory]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 3, 118–130. (In Russ.)
- Pososhkov, I. T. (2003). *Kniga o skudosti i bogatstve* [A book about poverty and wealth]. Moscow: Nauka, 253. (In Russ.)
- Fedotovskikh, M. A. (Eds.) (1995). *Predprinimatel'stvo na Urale: istoriya i sovremennost'* [Entrepreneurship in the Urals: history and modernity]. In-t ekonomiki UrO RAN. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 256. (In Russ.)
- Chubais, A. B. (Eds.) (1999). *Privatizatsiya po-rossiyski* [Privatization in the Russian way]. Moscow: Vagri-us, 366. (In Russ.)
- Prigozhin, I., & Stengers, I. (1986). *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog che-loveka s prirodoy* [Order from Chaos: A new dialogue between man and nature]. Moscow: Progress, 432. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I., Peshkov, G. F., Pykhova, I. A. et al. (1994). *Regional'nye posledstviya makroekonomicheskikh reform* [Regional implications of macroeconomic reforms]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 108. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I., Peshkov, G. F., Pykhova, I. A. et al. (1996). *Regional'nye posledstviya sotsial'no-ekonomicheskikh reform* [Regional implications of socio-economic reforms]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 213. (In Russ.)
- Rumyantsev, O. G., & Dodonov, V. N. (1996). *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Legal encyclopedia]. Moscow: INFRA-M, 384. (In Russ.)
- Sergeev, M. A. (1981). *Deystvie ekonomicheskikh zakonov i deystviya lyudey: preprint* [The action of economic laws and the actions of people: a preprint]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR, 48. (In Russ.)
- Sergeev, M. A. (1987). *Sotsialisticheskie proizvodstvennye otnosheniya i puti ikh sovershenstvovaniya* [Socialist production relations and ways to improve them]. Moscow: Nauka, 160. (In Russ.)
- Sergeev, M. A., Pykhova, I. A., & Demenev, A. I. (1985). *Regional'naya ekonomika i zakonomernosti ee razvitiya* [Regional economy and patterns of its development]. Moscow: Nauka, 159. (In Russ.)
- Sergeev, M. A., Pykhova, I. A., & Chichkanov, V. P. (1983). *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy povysheniya effektivnosti obshchestvennogo truda: Voprosy teorii i metodologii. Narodnokhozyaystvennyy i regional'nyy aspekty* [Socio-economic problems of improving the efficiency of public labor: Questions of theory and methodology. National economic and regional aspects]. Moscow: Nauka, 148. (In Russ.)
- Silin, A. N. (1990). Dialektika uskoreniya i khozyaystvennyy mekhanizm [Dialectics of acceleration and economic mechanism]. *Sotsial'no-ekonomicheskie rychnagi intensifikatsii proizvodstva (politekonomicheskiy aspekt): sb. nauch.* [Socio-economic levers of production intensification (political economic aspect)]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 3–14. (In Russ.)
- Silin, A. N. (1990). *Zhivoy i oveshchestvlenyy trud v mekhanizme ekonomicheskikh protsessov* [Living and materialized labor in the mechanism of economic processes]. Moscow: Nauka, 104. (In Russ.)
- Silin, A. N. (2000). *Sobstvennost', rynek i kachestvo ekonomicheskogo ro-sta* [Property, the market and the quality of economic growth]. Ekaterinburg: UrO RAN, 161. (In Russ.)
- Silin, A. N., & Borisov D. S. (1990). Dvizhenie zhivogo i oveshchestvlennoogo truda v otrazhenii zakonomernostey razvitiya obshchestvennogo proizvodstva [The movement of living and materialized labor in the reflection of the laws of the development of social production]. *Sotsial'no-ekonomicheskie rychnagi intensifikatsii proizvodstva (politekonomicheskiy aspekt): sb. nauch. tr.* [Socio-economic levers of production intensification (political and economic aspect): collection of scientific papers]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 28–40. (In Russ.)
- Sloudkovskaya, M. A. (2016). Politicheskaya ekonomiya Antuana de Monkrete-na (k 400-letiyu vypuska «Traktata po politicheskoy ekonomii») [The political economy of Antoine De Montchretien (Toward the 400th Anniversary of “Traicté de l'économie politique”)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 2, 109–120. (In Russ.)
- Smith, A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Eksmo, 960. (In Russ.)
- Smith, A. (1997). *Teoriya nravstvennykh chuvstv* [The theory of moral sentiments]. Opening chapter of Meerovskiy B. V.; commented by Gryaznov A. F. Moscow: Respublika, 351. (In Russ.)
- Sukhikh, V. V., Vazhenin, S. G., & Tatarkin, A. I. (2005). *Doverie v ekonomike: istoriya zarozhdeniya, popytki vozrozhdeniya* [Trust in the economy: the history of its origin, attempts at revival]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 84. (In Russ.)

- Tatarkin, A. I., & Popov, E. V. (2003). Osnovnye voprosy sovremennoy eko-nomicheskoy teorii [Basic Issues of Contemporary Economic Theory (Proceedings of the All-Russia Symposium, September 2003)]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiki], 12, 145–149. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I., & Trutnev, I. A. (2002). *Rossiyskoe mogushchestvo prirastalo ural'skim metallom... (K 300-letiyu otechestvennoy metallurgii)* [Russian power grew with the Ural metal... (To the 300th anniversary of the Russian metallurgy)]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 203. (In Russ.)
- Haken, G. (1985). *Sinergetika: Ierarkhii neustoychivosti v samoorganizu-yushchikhsya sistemakh i ustroystvakh* [Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices]. Translated by Yu. A. Danilov; in Yu. L. Klimontovich (Eds.). Moscow: Mir, 423. (In Russ.)
- Shmoller, G. (1897). *Nauka o narodnom khozyaystve, ee predmet i metod* [The science of the national economy, its subject and method]. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh, 112. (In Russ.)
- Shtorkh, A. K. (2008). *Kurs politicheskoy ekonomii, ili Izlozhenie nachal, obuslovlivayushchikh narodnoe blagodenstvie* [The course of political economy, or The Presentation of the principles that determine the people's welfare]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Ekonomicheskaya gazeta», 1120. (In Russ.)
- Shumpeter, J. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3-kh t.* [History of economic analysis. In three volumes]. In V. S. Avtonomov (Eds.). Vol. 1. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 494. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (Eds.) (1994). *Ekonomicheskaya reforma v regione: problema sochetaniya fed-ral'nogo i territorial'nogo* [Economic reform in the region: the problem of combining federal and Territorial legislation]. Ekaterinburg: Nauka. Ural. otdnie, 280. (In Russ.)
- Abalkin, L. I. (Eds.) (1999). *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic Encyclopedia]. Moscow: OAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 1055. (In Russ.)
- Erhard, L. (1991). *Blagosostoyanie dlya vsekh* [Well-being for all]. Moscow: Nachala-Press, 332. (In Russ.)
- Yuridicheskiy spravochnik dlya naseleniya* (1973). [Legal reference book for the population]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 520. (In Russ.)
- Yanzhul, I. I. (1890). Bismark i gosudarstvennyy sotsializm [Bismarck and state socialism]. *Vestnik Evropy* [Buletting of Europe], 8, 728–729. (In Russ.)
- Commons, J. (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*, 21(4), 648–657.
- Commons, J. R. (2009). Marx Today: Capitalism and Socialism [1925]. *Journal of Institutional Economics*, 5(1), 117–136.
- Hodgson, G. M. (2006). What Are Institutions? *Journal of Economic Issues*, XL (1), 1–26.
- Keynes, J. N. (1999). *The Scope and Method of Political Economy*. Kitchener: Batoche Books, 231.
- Klein, P. G. (1999). New Institutional Economics. In: *Encyclopedia of Law and Economics*. Retrieved from: <https://reference.findlaw.com/lawandeconomics/0530-new-institutional-economics.pdf> (Date of access: 13.01.2021).
- Nelson, R., & Winter, S. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge: Harvard University Press, 452.
- North, D. (1989). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 17(9), 1319–1332.
- North, D. C. (1986). The new Institutional Economics and Development. *Journal Institutional and Theoretical Economics*, 142, 230–237.
- Poirot, C., & Pavel, S. R. (2008). The State, Public Policy and Heterodox Economics: An Introduction. *For Social Economics*, 37(1), 1–12.
- Robbins, L. (1935). *An essay on the Nature and Significance of Economic Science*. 2nd Edition. L.: Macmillan, 160.
- Sidgwick, H. (1885). *Scope and Method of economic Science*. L.: MacMillan and Co, 57.
- St. Thomas, Aquinas. (2003). *Summa Theologica. The History of Economic Thought: A Reader*. In Steven G. Medema and Warren J. Samuels (Eds.). L.; N.Y.: Routledge, 18–29.
- Tool, M. R. (1994). Institutional Adjustment and instrumental Value. *Review of institutional political Economy*, 1(3), 405–443.
- Vaitheswaran, R. (1978). *Economic Ethics of Henry Sidgwick*. Ames (Iowa): Iowa State University, 231.
- Veblen, T. (1919). *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*. N.Y.: Huebsch, 517.
- Wagner, A. (1892). *Lehr- und Handbuch der politischen Oekonomie/ Erste Hauptabteilung: Grundlegung der politischen Oekonomie. Dritte Auflage*. Leipzig: C. F. Winter'sche Verlagshandlung, 930.
- Wallis, J., & North, D. (1986). Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–1970. *Long-Term Factors in American Economic Growth*. In Stanley L. Engerman, Robert E. Gallman (Eds.). Chicago: University of Chicago Press, 95–148.

Информация об авторах

Берсенёв Владимир Леонидович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: colbers@bk.ru).

Бочко Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом региональной конкурентоспособности, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: vbochko@mail.ru).

Власов Максим Владиславович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром экономической теории, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: mvlassov@mail.ru).

Сухих Василий Валентинович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономической теории, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: suhivas@yandex.ru).

Authors

Vladimir L. Bersenev — Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Research Scientist, Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: colbers@bk.ru).

Vladimir St. Bochko — Doctor of Economics, Professor, Director of Department of Regional Competitiveness, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: vbochko@mail.ru).

Maksim Vl. Vlasov — PhD in Economics, Associate Professor, Director of Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: mvlassov@mail.ru).

Vasily V. Sukhikh — PhD in Economics, Senior Research Fellow, Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: suhivas@yandex.ru).